

Василий Грибанов

Хохол — родимый край

Василий Грибанов

Хохол – родимый край

«Издательские решения»

Грибанов В. Н.

Хохол – родимый край / В. Н. Грибанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537597-1

В воспоминаниях уроженца Воронежской области Василия Грибанова виден путь простого человека, который осваивал Север, выживал с семьей в 1990-е годы, всю жизнь трудился не покладая рук. Его рассказы содержат описание быта разных поколений — от послевоенных лет до наших дней.

ISBN 978-5-00-537597-1

© Грибанов В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Родословная	6
Война	7
Выживать помогала корова	11
Наша бабушка	13
Погреб	15
Подпольщики	16
Отец погиб, родился брат	17
Дрова	19
Отступление немцев	20
Возвращение в свой дом	21
Весна 1943 года	23
Незабвенный полководец Жуков	25
Известие об отце	28
Как учились в 1940-е годы	29
Ура! Победа!	31
Главный работник	33
Как я закончил пятый класс	35
Болезнь мамы	36
Рухнули сени	37
Как я возил глину	38
Вернулась сестра	40
Трудности в школе	41
Мама стала инвалидом	43
Столовая	44
Подработка в колхозе	46
Восьмой класс	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Хохол – родимый край

Василий Николаевич Грибанов

Редактор Людмила Николаевна Грешнева

© Василий Николаевич Грибанов, 2021

ISBN 978-5-0053-7597-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается детям войны – безотцовщине
Босоное детство —*

Золотая пора.
Безотцовщиной нас называли,
В чем же наша вина?

Больше всего времени у занятых людей:
они успевают больше сделать.

Мать дает жизнь, а годы – мудрость.
Жизнь – великий учитель.

Выйду я на вольные просторы
Иль взойду в зеленые леса,
Смотрят на меня мои березки,
Незабудок синие глаза.
Лишь земли услышу отголоски,
Пенье птиц и шорох камыша,
Я люблю тебя, моя деревня,
Щедрая, веселая душа.
Люблю песни озорные,
Баяна мелодичный перебор,
Звонкие задорные частушки,
Звучащие под русскую гармонь.

Родословная

Дед мой, Василий Прокофьевич Кожевников, урядник, до революции не дожил. Бабушка, Мария Алексеевна Мыскова. Мама – Матрена Васильевна Кожевникова.

Дед по отцу – Семен Марьевич Грибанов, жена его – Федосья. Отец мой – Николай Семенович Грибанов.

До революции, мама говорит, мы жили хорошо, у нас была своя мельница, маслобойка, крупорушка и лавка. У нас в семье было семь мужиков. Мы выходим косить – семь крюков. Прошли рядов 5—7, крюки на плечи – и домой. Все были рукодельные, знали ремесло. Плотничали, валяли валенки, печи мастерили, камень на мельнице сами ковали. Настает пост – батя поедет на лошади, привезет рыбы – судака, сазана, пуда по два рыбина. За семь недель рыба надоест – жареная, соленая, уха.

Когда настала революция, отцова отца сослали в Сибирь, называлась Аляска Алтайской губернии. За что их сослали, неизвестно, раскулачили или еще что. Отец в это время служил в Кремле в охране, часто видел В. И. Ленина. Сейчас не у кого толком ничего спросить, никто ничего не знает. Отец отслужил, вернулся домой, женился на маме.

Что у них лошадь в хозяйстве была, мама об этом говорила. Дядин сын работал в райкоме партии. Приходит с работы и говорит: «Дядя Коля, вышел новый указ: кто добровольно не сдаст тягловую силу и инвентарь, имеется в виду сбруя, того будут ссылать на Соловки». Утром отец запряг лошадь и с инвентарем сдал ее в колхоз. Таким образом избежал Соловков. Сколько чего было, я не знаю. Я спрашиваю, а после этого как вы стали жить. «Бедные стали пахать на лошади, а мы стали копать огород лопатой». Отец долго не задержался в колхозе, ушел работать в город Семилуки и там он проработал до начала войны. Мама работала в колхозе. От мамы я узнал кое-что, когда началась перестройка. Что Егориха мельница принадлежала нашему роду, об этом никто никогда не говорил. Егоровы мы по маме, наш род называли Егоровым, поэтому и мельнице дали такое название.

Я, Грибанов Василий Николаевич, родился 1 марта 1935 года. Юные годы не помню, но со слов мамы и старшей сестры мне известно, что 1933, 1935, 1937 годы были неурожайными, голодными годами. Я просыпался ночью и начинал петть петушком «Ку-ка-ре-ку». Мама вставала, даст, наверное, хлеба. Я засыпал, так как ничего другого не было.

К 1941 году стали жить более зажиточно. Зимой 1940—1941 года оставили пять овцематок, и они дали приплод по два ягненка. И в 1941 году в табун пастуху отдали 15 голов овец.

Война

22 июня 1941 года мы встали рано утром и поехали к отцу в город Семилуки, где он работал. Маму мы проводили до пристани, где она на пароме переправилась через реку Дон и поехала в город Воронеж, а я остался с отцом. О начале войны мы еще ничего не знали, с отцом мы пришли на работу, я точно не помню время, но в первой половине дня отца и других мужчин вызвали в контору. Когда мы пришли в контору, отцу вручили повестку: явиться в горвоенкомат с вещами. Отец меня взял за руку, и мы пошли в горвоенкомат. Когда военком увидел отца с ребенком, то возмутился: «Это еще что такое? Вам сказано – с вещами, а вы идете с детьми!» отец начал объяснять, что ему нужно кому-то определить мальчика, а я стоял и шмыгал носом, боялся, что отца заберут на фронт, а я здесь останусь один. Отцу дали отсрочку месяц – пристроить мальчика. Через месяц отец ушел на фронт. За это время отец принес 4 мешка ржи и мешок соли, в войну ой как она пригодилась. Мама, да и мы все не раз вспоминали отца. Отец мой, Николай Семенович Грибанов, 1900 года рождения, двухметровый гигант, обладал очень большой силой, никогда не болел. Как рассказывала мама, он на спор отрывал от пола шестипудовый мешок с зерном, брал зубами за горловину мешок и отрывал. Меня и сейчас удивляет, какие нужно было иметь зубы и шею. Очень любил рыбалку, вставал в 3 часа и шел на речку Девица, проверял вентера, кубари, а потом ловил рыбу удочкой. Рыбы в реке в то время было очень много, клев был сильный, на 3 удочки, не успевали дергать рыбу. В те годы в реке водилась разная рыба: щука, налим, плотва, очень много было пескаря, карпы длиной до метра.

Время шло, наступил июль месяц, созрели хлеба, нужно начинать уборку, а убирать стало не с кем и нечем. В основном всех военнообязанных мужчин призывали в армию. Основную тягловую силу – лошадей – забрали в кавалерию или в обоз, остались клячи. Вся работа легла на женские плечи. Женщины научились косить крюками, а где полегла рожь, жали серпами, но все же убрали урожай, сложили в скирды. Когда настала зима, расчищали площадку, заливали водой (это называется ток) и молотили рожь цепями. А в ночь уходили подводы с зерном, в основном на волах, на станцию Латная. Все для фронта, все для победы. Мама была старшей в обозе, она красивая, игрунья, плясунья. У нее был хороший подход к людям, она входила легко в контакт, смелости не занимать. Домой возвращались на второй день утром, замерзшие вконец, сосульки, волов их сильно не разгонишь. Придя домой, мама залезала на печку, а сестра ей давала поесть картофеля с хлебом. Настает вечер – мама снова отправляется в путь. И так – каждый день. Одежда была очень слабенькая, телогрейка, подпоясанная веревкой. Спасала, наверное, обувь – валенки и шерстяные носки из овечьей шерсти. Однажды они как обычно, в ночь повезли зерно и, как рассказывает мама, они выехали на Курскую трассу, навстречу им ехала автомашина, и произошла беда. Было темно. То ли водитель не заметил подводу, он врезался в повозку и убил вола. Как потом рассказывала мама, они страху и трудностей натерпелись. Шофер с места аварии скрылся, хотя позже его все равно нашли. Зима, холодно. Они замерзали и шли пешком около повозки, могли погибнуть. Горе горем, а зерно надо доставить на станцию. Мама потом вспоминает, говорит: хорошо, что ехали на двух повозках. Мама уехала на исправной повозке на станцию, а одна женщина осталась охранять зерно. Когда они вернулись назад за зерном, эта женщина от страха чуть с ума не сошла. Как вспоминает мама, обняла ее, а та вся дрожит, слова сказать не может. Перегрузили зерно, поехали на станцию. Там уже доложили о несчастье, приехала милиция. Поехали все на место, чтобы помогли развернуть повозку, кое-как и кое-чем привязали к исправной повозке, и они поехали домой. Приехали домой, как говорят в деревне, после обеда. В эту ночь никто на станцию не поехал, да и повозке требовался ремонт.

Время летит быстро, порой не замечаешь. Прошла зима, наступила весна. На реке Девнице ушел лед, река очистилась ото льда. Это было числа 30 или 31 марта 1942 года. Пацаны уже начали играть в весенние или летние игры. Однажды мы играли, подходит ко мне дядя и говорит: «Беги домой, отец пришел». Я прибежал домой, действительно, отец был дома. Он меня взял, поднял, прижал к груди и поцеловал в щечку. Через восемь месяцев я снова увидел отца. Перед уходом на войну отец мне купил коньки-снегурочки с ботинками. Я, конечно, был рад, у ребят ни у кого таких коньков с ботинками не было. Это я отвлекся. Полк, в котором воевал отец, остановился где-то в Гремячем или Староникольском. Командир полка отпустил отца на трое суток.

Началась война, Россия не была готова к ней. Не хватало ни оружия, ни обмундирования. Отец пришел в своей гражданской одежде, которая обветшала и пришла в негодность. Дома он переоделся в свою одежду, поменял брюки и обувь. У него была гимнастерка ярко-зеленого цвета, что я хорошо запомнил. Три дня пролетели быстро. Мама засушила сухарей, и отец отправился в свою часть. Провожали отца мама и старшая сестра до матренской границы, там попрощались, помахали друг другу рукой, поплакали и пошли домой. Это была последняя встреча. Я провожал отца до шоссе, и меня отправили домой, сказали: далеко, ты не дойдешь. Напоследок отец взял меня на руки, прижал к груди, приласкал и как бы дал наказ: расти большой, слушай мать. Отец несколько раз поворачивался, махал рукой – я в ответ тоже махал. Я долго стоял смотрел, пока они не скрылись из виду. Потом я пошел домой к бабушке.

Весна прошла, настало лето, у нас снова трагедия. Маме вручили повестку – явиться в военкомат такого-то числа. Это был конец июня 1942 года. Сестра, поскольку она старшая, ходила провожать маму. Она рассказывала, что их выставили строем около МТС, ныне сельхозтехника, перед этим дали попрощаться, поплакали, конечно. Потом дали команду «шагом марш», и они пошли строем, помахав на прощанье. Мы остались с бабушкой. Мама была беременной в это время, срок – три месяца. Их призвали для рытья рвов и окопов. Мама пробыла там меньше месяца. Она рыла окопы, и ей сделали снисхождение по беременности, а другие рыли рвы танковые. Наши войска потеснили немцы, они стали отступать. Видимо, заметив скопище людей, ночью их лагерь начали бомбить. Бежали в поле, кто куда, в разные стороны. Когда бомбежка закончилась, самолеты улетели, поняли, что-то надо делать, нужно спасать свою жизнь. Куда идти, они не знали, так как были совсем неграмотные. Тогда мама говорит подруге: «Пошли на гудок паровоза». Шли всю ночь, где-то к полудню дошли до железнодорожных путей. У проходящего паровоза узнали, куда ближе идти на станцию. Пришли на станцию – народу полно. Идут военные эшелоны, никого не берут. Что делать? Тогда мама снимает тонкий платок, делает кольцо, надевает на шею и просовывает туда руку, как раненая. Подошел военный эшелон, мама стала проситься, чтоб взяли. Он спрашивает: а вам куда? Нам надо до Воронежа. Начальник поезда говорит: нельзя, не положено. Мама стала его Христом Богом просить, чтоб взяли: «У меня двое детей, мать старенькая, 75 лет. Дорогой, родненький, миленький, возьми, пожалуйста». Видно, разжалобила его – ладно, говорит, садись. Маму взял, а подругу не берет. Мама снова стала уговаривать: да как же без нее мне с одной рукой, плохо без подруги. Наконец он сжалился, ладно, сказал, садись. Вот так они добрались до города Воронежа. А оттуда до Хохла пешком. Когда они добрались до Воронежа, они были рады: теперь мы дома. А вот где мама была на окопах, мы и сами толком не знаем, да и спросить не у кого. Мама приехала домой, бабушка очень обрадовалась: теперь вся семья вместе. Но здоровье бабушки не улучшилось, хотя она была очень рада. Бабушка очень переживала, когда маму призвали рыть для армии окопы. В возрасте 75 лет бабушка осталась с внучатами, она очень переживала за нас, и поэтому ее здоровье с каждым днем ухудшалось. Сестре моей было 10 лет, а мне 6 лет.

В военное время обстановка меняется быстро. Не прошло и двух дней, как приехала мама, как на улице раздались крики и шум. Мы выскакиваем на улицу, а люди кричат:

«Немцы едут, немцы едут!». Первыми в деревню приехали немцы на трехколесных мотоциклах, за ними – бортовые автомашины, полные солдат, а потом гужевые повозки, в которые были впряжены тяжеловозы-битюги. Некоторые ехали на автомашинах, веселые, самодовольные, рукава у них засучены, играли на губных гармошках и что-то на своем языке горланили. Видно, достойного сопротивления не встретили, дошли до Воронежа спокойно. Проезжая по улице, немцы выбирали места для остановки. Чтоб был приличный дом, двор хороший, ворота, въезд-выезд, ну и для лошадей сарай. У нас был добротный двор, сарай и ворота. Ворота с улицы широкие, с навесом, а в огород между сараями ворота под общей крышей, там жили дикие голуби. У нас во дворе стояла автомашина с фургоном, и там постоянно находился человек. Он ходил с папкой, наверное, носил начальству шифровки. Поскольку я в армии был радиотелеграфистом, обеспечивал связью генерал-майора Гриценко, тоя полагаю, что это была радиостанция.

Первая партия немцев, которые приехали к нам, вели себя достойно. Правда, ходили по домам. Заходит в дом, кричит: «Матка, рурка, яйки». Хозяйки сами давали яйца, молоко. У мамы два немца брали молоко. Один немец за молоко давал нам по кусочку хлеба, намазанного медом. А другой немец был военный врач, он тоже брал молоко. Молоко он называл «моляко» и говорил: «Мутер, моляко гут?». У мамы болела сестра, моя крестная, у нее болели почки. И военврач на своей «эмке» ездил к больной сестре, осмотрел, дал таблетки. И пока были таблетки, крестная жила. А когда закончились таблетки, ее ноги наполнились водяной, и она ушла из жизни. С лета 1942 года она прожила по декабрь 1943 года включительно, т.е. полгода года. Первая партия немцев была недолго, около месяца. Вторая партия приехала в нашу деревню осенью, уже был убран урожай с огорода, и картошка хранилась в погребе. Враги вели себя дерзко, злые были, видно, понюхали русский порох. Появлялись пьяные, выйдет такой, вынимает пистолет и начинает стрелять.

На этот раз нам не повезло, нас выгнали из дома. Зашли несколько немцев, осмотрели дом, двор, зашли в хату и маме говорят «век», т.е. вон из дома. Мама собрала вещи, и мы ушли жить к дяде, отцову брату – мама, сестра и я, а бабушка ушла жить к соседке бабушке Кате, у них было место на печке. А у дяди семья была большая, места не хватало даже на полу. Лавки и печь – все было занято. Дядя был инвалид войны, сказал, как зайдут немцы в дом, вы охайте, что мы и делали. На двери немцы из-за этого прикрепили табличку, и в дом никто не входил.

Настал вечер, пастух пригнал коров домой. Наша корова зашла во двор в свой хлев. Мама взяла ведро, и мы с ней пошли доить корову. В это время вышел немец с автоматом, наставил на нас, кричит «сапромент». Я не знаю, что это за слово. У мамы выпало ведро из рук, мы стоим рядом, держась за юбку. Вышли другие немцы, офицеры, и говорят: «Матка, нихт», значит, сюда нельзя заходить. Мы забрали корову и отвели соседке бабе Кате. И потом, когда корова шла из стада, мы ее встречали и вели в соседний двор.

Вторая группа немцев прибыла в село Хохол осенью. Урожай уже был убран и хранился в складах и погребах. На подпольной работе остались Василий Исаев и Григорий Турищев. Когда им стало известно о приближении немцев, они подожгли склады с зерном, чтобы продовольствие не досталось врагу. Но, как говорится, народ не остановишь, люди гасили огонь и забирали зерно себе.

Мама с сестрой тоже ходили за зерном. Как рассказывает сестра, которое горит зерно, сбрасываешь, а внизу хорошее, его забирали себе. Да сколько на себе можно унести, мы от заготзерна жили далеко, 3 км.

Колхозы практически развалились, нужно было спасать крупнорогатый скот. Огромные стада по несколько сот голов, гнали в Сибирь. Первую группу коров погнали двое – дядя Ваня и тетя Арина, а вторую тетя Варя, с кем, не помним. Сестра только говорила, что где-то через месяц они вернулись домой. Слабых телят не брали, они бродили бесхозные. Где были старики, они резали телят и ели мясо. Мы с сестрой взяли одного теленка, а зарезать некому

было. И мама говорит: «Что ж мы его будем зря кормить, а то еще донесут и посадят». И мы выпустили теленка на волю.

Когда нашу деревню заняли немцы, сразу было видно, что они собираются здесь задержаться надолго. Они сразу местное население заставили рыть окопы. При этом никаких меж не соблюдалось, неважно, чей там огород, лишь бы был свободный ход. Окопы были протяженностью на всю улицу, до семилетней школы. Их рыли метрах в 50 от домов, машины маскировали, ветками накрывали, чтобы не было видно. Для лошадей, которым не хватало места в сарае, вкапывали 4 столба, делали крышу, и лошади находились под навесом. А когда мы своей корове сделали навес за соседской хатой, немцы его разломали.

Настала зима. Снегу было много, огромные сугробы. Тогда что придумали немцы: они стали строить из снега домики в метрах 400—500 от домов. К этим работам привлекали местное население. Из снега по форме кирпича, только больше по величине. Нарезали снег и мастерили домики. Над ними каждый день летали самолеты, видно, фотографировали. Таким образом, получился поселок. В общей сложности немцы пробыли у нас месяца четыре.

Выживать помогала корова

Несколько слов о нашей корове. Звали ее Маруська. Корова давала очень много молока, каждый день мели масло (помогали соседки Татьяна и Саша, у них не было коров). Самое жирное молоко было у нашей коровы – 5,5%. Не зря немец говорил: «Мутер, твое моляко гут». И была корова умница. Наставала осень, коров переставали пасти. Выпустишь на луг – а они уходят в лес, там побольше корма. Наступает вечер, а коров нет. Тогда мы собираемся и идем в лес. Я, не доходя до леса 2 км, начинал ее звать: «Марусь! Марусь!». Она подаст голос и идет. Пройдет время – опять начинаешь ее звать. Смотришь – она уже близко и бежит бегом. Когда она подходила ко мне, я ей давал лакомство: от подсолнухов шляпки кусочки, кусочки зеленой тыквы, редко хлеб. Она съедает лакомство, идет с тобой рядом, мычит, будто разговаривает. Приходит из стада, хоть в обед, хоть вечером, заходит в сени – и молоко пошло. У нас всегда доенка была наготове. Но по дороге молоко корова не теряла.

Осенью, когда коровы ходили на зеленя ржи, их объездчики загоняли на колхозный двор, а потом хозяева приходили забирать коров, а их штрафовали. Но нашу корову загнать было невозможно, она и всадника снесет с лошади, но все равно уйдет домой. Так было с объездчиком Гаманом.

Зима 1942 года была для коровы печальной. Она всю зиму была на соседнем дворе под открытым небом, под шинелью стояла, как на посту. А в наших сараях спокойно спали немецкие битюги-тяжеловозы.

С нашей коровой по кличке Маруська было два несчастных случая. Первый случай произошел в 1944 году, летом. После обеда выгнали коров в стадо. Наша корова начала бодаться с соседской коровой около колодца. Колодец был из цементных колец, наружное кольцо возвышалось на 80 см над землей. И когда наша корова уперлась в кольцо, отступать было некуда, соседская корова даванула ее, и наша корова упала в колодец задом. Повезло нам тем, что весь народ был дома, на обеденном перерыве, это первое. А второе, что был в отпуске Мишка Кузин. Его мать убил эвакуированный воронежец из-за продуктов, остались две несовершеннолетние сестры сиротами, и ему по этому случаю дали отпуск. Он спустился по лестнице в колодец, завел двойные вожжи под задние ноги коровы, сам вылез и дал команду тащить. Поскольку народу было много, взялись дружно и по команде раз-два взяли и вытащили корову из колодца. В основном были женщины и трое мужчин-инвалидов. Главной силой был Мишка Кузин. Если бы не он, не знаю, чем бы все закончилось. Когда передние ноги коровы легли на кольца, по команде раз-два она как бы сама сделала рывок, выскочила из колодца, встала на ноги, встряхнулась и пошла за стадом, как ни в чем не бывало. Только на заднице в районе хвоста была содрана кожа. Когда корова пришла из стада, эту рану обработали креолином, чтоб мухи не беспокоили и быстрее заживала.

А в 1946 году нашу корову боднула чья-то корова, ударила рогом в пах. Когда корова пришла из стада, мы заметили в районе паха шишечку, но никто и подумать не мог, что будут такие страшные последствия. Ее, может быть, не надо было гонять в стадо после этого удара. На второй день, когда корова пришла из стада, шишечка увеличилась и стала размером в два кулака. Собралось много людей, обвязали рану холстом, но эффекта это не дало. Удар был очень сильный, пробита перепонка, и все потроха вышли наружу, под брюхом с правой стороны висела сумка. Корова находилась в сенях, чтоб не беспокоили мухи и овода. Она лежала, не вставала, сена ела мало, больше пила. Мама целыми ночами просиживала около коровы, плакала. И корова как бы понимала ее, мычит, а из глаз текут слезы. Несчастье это случилось в июле-августе месяце, как раз шла уборочная страда. Больше недели корова не вставала, а однажды мы выходим, а корова встала, стоит. Открыли дверь – она вышла во двор, начала

ходить. Потом мы ее стали выпускать на луг, она там паслась. Молоко пропало. Мама начинала ее раздаивать, но молока стало значительно меньше.

Однажды из Турова вел мужик годовалую телку сдать в госпоставку, агент увидел его и порекомендовал маме поменять корову на телку, и мама согласилась. Корова весила в 2 раза больше, и он эти деньги присвоил. Как только совести хватило отнять у сирот деньги! 1946 год был тяжелый, засушливый, неурожайный. За лето не выпало ни одного дождя, все почернело. Даже в болотных ямах вода высохла, осока посохла. В этот трудный год мы остались без коровы. У нас был огород у реки, мы накопили 90 ведер картошки. Мама закопала ее во дворе рядом с домом, чтобы не украли. Весной мы начали откапывать яму, соседский парень Васька подошел к нам. Стал помогать. Когда все убрали, мама наварила чищенной картошки, и я пошел пригласил соседа. Он поел и просит: «Тетка, дай маме хоть две картошечки». Народ был истощен от голода, ходили как тени, еле ноги передвигали. Ноги опухшие, как водой налиты. Ели всякую травку: щавель, лебеду, дикий чеснок – все, что съедобно. Начали доставать из реки ракушки, сил прибавилось.

Наша бабушка

На второй день, как нас оккупировали немцы, мама встала, пошла подоила корову, проводила ее в стадо. А дальше что делать? Готовить завтрак, а продукты все в погребе. Придется подождать, когда рассветет. Уже стало светло, проснулась сестра, мама говорит: «Пойдем в погреб за продуктами». Пришли во двор, их, видимо, увидел немец, наставил на них автомат, кричит что-то. А расстояние от сеней до погреба всего 3 м, т.е. в упор наставил оружие. Сестра перепугалась, повисла у мамы на груди и так закричала, что все немцы выбежали во двор. Видимо, старший по званию, офицер, говорит: «Матка, ни хт», т.е., сюда нельзя ходить. Погреб закрыли на замок. После этого мы в свой двор не заходили. Как я уже писал, мы жили у дяди, а бабушка – у соседки.

Утром сестра встала, позавтракала и говорит: «Мам, я пойду к бабушке схожу». Мама разрешила, сходи. Когда сестра пришла к бабушке, бабушка обрадовалась: «А я жду тебя, внушка». Сестра спросила, надо ли чем помочь. Бабушка ответила: «Выведи меня из дома, хочу посмотреть на белый свет, на двор». Сестра помогла бабушке одеться, и они вышли в соседний двор, так как мы в своем не жили. Поднялись на погреб – он стоял у них на возвышенности, лаз был с чулана – бабушка окинула взором округу и говорит: «Пойдем, выйдем на гумно, посмотрим на огород». Вышли на гумно, бабушка глянула и ужаснулась: ольху всю спилили, маскировали машины, на мосты и на дрова. Отец планировал в 1942 году строить дом-пятистенки, 2 комнаты и сени. Ольха была строевая. Бабушка все посмотрела и говорит: «Ну, теперь води меня, внушка, назад в дом, все посмотрела». Сестра привела бабушку в дом, помогла раздеться и забраться на печку. До бабушки дошли слухи, что мама два раза была под дулом автомата, и бабушка маме наказывала: «Смотри, Матрюща, будь осторожней, а то детей оставишь сиротами».

Через день бабушки не стало, она ушла в другой мир. В хате собрались все родственники, соседи, оплакивали судьбу бабушки. Слух, видимо, дошел до немцев, что бабушка наша умерла. Немцы вместе с пленными зашли в дом, выгнали всех за дверь, закрылись там и начали делать гроб. Гроб вышел широкий, безобразный. Эту работу выполняли пленные. В нашем огороде, называемом гумно, рыли могилу. Была сырая погода, а женщины стояли на улице и плакали. В это время шел по улице немецкий офицер со свитой. Остановился он и начал расспрашивать, что случилось. Переводчику объяснили, что у мамы умерла мать, а их не пускают в дом. Офицер, узнав обстановку, начал сильно стучать в дверь. Когда дверь открыли, он сильно ругался и, видимо, приказал выделить землекопов, сделать хороший гроб и помочь похоронить. Пленные после этого вырыли могилу на кладбище, где похоронены другие родственники, гроб сделали приличный и помогли похоронить. Опустили гроб в могилу и закопали.

Не могу умолчать еще об одном эпизоде. Когда пленные рыли могилу в огороде, мама послала сестру посмотреть, где роют могилу. Пленные попросили сестру: «Девочка, принеси нам хлеба, мы же голодные». Сестра в ответ: «Как я принесу, меня немцы застрелят». Они ей говорят: «Ты к нам не подходи, воткни куски хлеба в плетень, а мы заберем». Сестра пришла домой, рассказала все маме, та отрезала ей 4 ломтя хлеба, сестра спрятала в плетне и пошла к пленным, рассказала. Потом отошла в сторонку и наблюдала. Они подходили по одному, брали хлеб, клали его в карман, и по крошке, по кусочку отправляли в рот и смотрели по сторонам, чтобы их никто не увидел.

Бабушка умерла 20 октября 1942 года.

Когда прошло 9 дней, мама помянула бабушку, раздала оладушки родным и соседям. Через месяц, 1 декабря 1942 года, бабушке исполнилось 40 дней. Мама напекла 40 оладушков, взяла меня с собой, и мы пошли в ригу раздавать милостыню. Что такое рига – это метровый

плетень и 10 м крыша, там сушили снопы в ненастную погоду (дожди). В риге в основном находились больные, эвакуированные с города Воронежа. В это время в стране свирепствовал тиф. Когда мы с мамой подошли к риге, там стоял стон и плач. Один кричит – пить, другой кричит – есть, третий кричит – замерз! Наши солдаты пленные их грузят на подводы и говорят: сейчас напьешься, наешься и согреешься. Когда мы зашли в ригу, там в несколько рядов лежали больные. Под ними подстелена солома, лежат в одежде, а на улице в это время мороз был минус 40 градусов. Мама начала раздавать оладушки. Там, кажется, тысячи рук тянутся: дай мне, дай мне, очень многие кричат. Мама раздавала тем, которые в сознании, просили милостыню, интересовались, кого поминать. Мама отвечала: «Помяните рабу Божию Марию». Людей, которых пленные вывозили на санях, сбрасывали в специально вырытый ров живыми. Домой мы пошли другой улицей. Не доходя до того оврага, куда сбрасывали больных, стоял старичок с палкой. Мама, видимо, хотела заглянуть в овраг, он маму знал и говорит: «Матрена, бери мальчонку и беги отсюда, а то и сами там окажетесь». Мама, видно, и сама напугалась, мы спустились вниз и бегом домой. Когда мы были в риге, мама от кого-то узнала, куда увозили больных.

Погреб

Что такое погреб? Это запас продовольствия практически на целый год. Помидоры, огурцы – на 8—9 месяцев. В погреб мы ссыпали по 70—90 ведер картошки, чтоб хватило до весны. В яму тоже закапывали по 70—90 ведер, а когда земля оттаяет, яму вскрывали, картошка, как с грядки, новая. Огурцы, помидоры, капусту солили в 100-кг бочках и еще две маленькие бочки по 50 кг, в них тоже огурцы и помидоры. И вот эти все запасы нашего продовольствия немцы съели и плюс к этому съели всех овец и кур. У нас сохранилась одна корова, и то с каким трудом мама ее сумела сберечь!

Солили раньше огурцы так: в колодезную воду сыпали соль, размешивали, опускали туда яйцо. Если яйцо всплыло, раствор выливали в бочку. Специи, конечно, добавляли: хрен, листья смородины, вишни, чеснок – и все сохранялось хорошо. Когда нас немцы выгнали из дома, на погребе повесили свой замок.

Был такой случай. Часть картошки мы ссыпали в погреб, а остаток лежал в сарае. Потом мы вырыли яму, ссыпали туда картошку. Немец там присутствовал, смотрел, что делать будут. Мама сверху накрыла картошку ржаной соломой и начала закапывать. Немец говорит: нихт, неправильно. Немец ушел, принес трубу от глушителя, но она чистая, ставит посередине ямы, а теперь, говорит, закапывайте. Закопали яму, трубка на поверхности осталась 10—15 см. немец показывает, как будет, снимает пилотку и кладет на трубу, т.е., закроешь. Картошка сохранилась, как только с грядки – воздуха ей не будет хватать.

Подпольщики

Первый, кто пострадал из подпольщиков, это Григорий Григорьевич Турищев, руководитель райисполкома, летом 1942 года. Предал его наш полицей, Михаил Авдеев, в народе звали его Миха.

Я был очевидцем этих событий, мы жили через 5 домов. В это время мы были на улице. К дому Турищевых подъехала черная легковая машина, мы побежали туда. Из машины вышли немцы и пошли в дом. Григорий находился на чердаке. Сам он слез с чердака или немцы залезли туда, нам доподлинно неизвестно. Мы видим: немцы выходят вместе с Григорием. События развивались молниеносно. Подводят его к машине, открывают дверь и сажают в машину. Водитель сразу на газ. Жена Григория, Арина, берется за ручку, тащится несколько метров за машиной. А что дальше с ним произошло, никто не знает.

Сыновья его, Алексей и Николай, и братья двоюродные несколько раз ходили в лес, искали следы свежевскопанной земли, но безрезультатно. Жена прожила после этого очень мало, быстро умерла. Сын его, Иван, 1923 года рождения, был на фронте, служил в разведке, у него много боевых наград. Когда нас освободили от немцев, он приходил в отпуск. Умер рано. Братья остались жить с сестрой, звали ее Мария. Алексей закончил летное училище, дослужился до полковника, умер в 2019 году. Сестра Мария уехала в Киев жить. Николая призвали в армию, служил на флоте, моряк. Вернулся из армии в пустой дом, круглым сиротой. Потом его одна девица взяла к себе в семью. А полицей, отсидев 10 лет, освободился. Им, видно, какие-то деньги отчисляли, поехал в Котлас, закупил лес, построил дом в другом месте, ушел с этой улицы. Вот такой итог.

Чтоб запугать население, немцы арестовали комсомолку Аню Жаглину, вроде бы по доносу соседки. Аня Жаглина страшные пытки испытала, ее посадили в неотапливаемый подвал, и как говорили соседи, неделю не давали ни еды, ни воды. Потом как бы суд был. Присудили казнь через повешение. Виселицу установили, где была почта. Там ее повесили и поставили охрану – часовых. Мы с мамой ходили к крестной – маминой сестре – через центр, все это видели. Часовые недалеко от нее были, народ находился подальше. Мать Ани Жаглиной, когда увидела дочь на виселице, потеряла сознание.

Информацию о военных буднях я частично получил от сестры. Мария Николаевна Панина, моя сестра. Она 40 лет отработала в столовой буфетчицей. Она знала весь район, а район знал ее. Отработав неделю в буфете, сдавала отчет и ездила по селам, колхозам с буфетом. Сейчас сестре идет 89-й год, она 1931 года рождения.

Мария Николаевна,
Какой подвиг совершила,
Ты не ведала сама.
Мать спасла ты от фашистов,
Нам путевку в жизнь дала!

Отец погиб, родился брат

Приближался Новый 1943 год. Обстановка под Сталинградом складывалась не в пользу немцев. Немцы начали чувствовать себя беспокойно. Дядя говорит: то патрулировали двое, а теперь четверо. Улицу разделили напополам, по двое шли слева и справа, видимо, боялись окружения. Днем на повозках что-то возили, к чему-то готовились. Морозы были до минус сорока, мама говорила, что воробьи мерзли на лету. Немцы ходили в пилотках. Пилотки отвернули, видно, уши мерзли, и говорили: хальт, хальт, рус мороз никс гут. Зная обстановку, немцы готовились к отступлению. В склад, недалеко от семилетней школы, возили технику – мотоциклы, велосипеды, там даже находились живые лошади. Под Казенный мост на реке Девизе возили различные другие товары. Мама туда ходила ночью по реке, взяла немецкий китель и один сапог. Началась стрельба, она оттуда бегом, а то еще убьют. Немцы ждали подкрепление, со стороны Кочетовки должны были подойти венгерские войска – мадяры. Зима была суровая, снега глубокие, немецкие лошади битюги-тяжеловозы по брюхо уходили в снег, и ни один мадьяр до Хохла не дошел. Вся шоссейная дорога была завалена трупами лошадей и людей. Лошади выбивались из сил, и их пристреливали. Мы с дядей ездили на санках на шоссе, дядя отрубил топором задок у лошади, и мы всеми везли мясо домой. Задок этот занесли в хату, он оттаял, дядя снял кожу, наварили большой чугун мяса и ели всей семьей.

Когда пришла весна, снег стаял, зима оттаяла, и женщин привлекали закапывать трупы. Поскольку мы жили близко, я ходил к маме и был очевидцем данных событий. Женщины около трупа копали ямки штыка лопатных на полтора-два, лопатами туда сталкивали труп и присыпали землей. Боялись, что какая-то зараза вдруг распространится. Все это убрали до матренинской границы, это была наша земля.

Так сложилось, что почти в одно время брат появился на свет, а отец отдал Богу душу.

11 января 1943 года в нашей семье произошла радость – родился брат. И родился он в чужом доме, а в нашем жили немцы. Произошло это ночью. Видно, подошли роды. Мама говорит племяннице: «Бежи к Шатихе». Шатиха принимала роды, так как медиков не было, и звали ее бабка-повитуха. Хорошо, что она жила рядом, близко. Пришла бабушка Шатиха, народу – полный дом, на полу места не хватало. Бабушка с мамой пристроились около печки у загнетки. Света не было, все делалось в полной темноте. Как это делалось, сейчас трудно представить. Что делал бабушка Шатиха, я не знаю, но под утро раздался крик малыша. Племянница растопила печь, нагрела воды, искупали и обмыли малыша. Так как не было света, все делалось в темноте. Господи, какое наказание пережили наши родители! От мамы ничего не было слышно, ни охов, ни криков. И когда уже произошли роды, Шатиха говорит: «Матрена, какая же ты крепкая, даже не охала, не стонала». Вспоминаю высказывание Достоевского, который сказал: «Рождаемся в грязи, живем как свиньи и умираем с проклятьем». А через два дня под Сталинградом погиб отец, 13 января 1943 года, но мы еще об этом ничего не знали. Узнали мы позже, месяцев через 5—6, потом. От отца было одно письмо, написанное простыми чернилами. Мама долго его хранила, потом я уехал, куда оно делось, не знаю. Отец писал: «Береги детей. Пока отступаем, терпим поражение. Будь готова к любым неожиданностям». Отец перед отъездом на фронт принес нам 4 мешка ржи, сказал: «Давай ее закопаем». Вырыли яму в сарае, где хранилось сено обычно, и закопали. На дно постелили ржаной соломы и по бокам обложили ржаной соломой, чтоб не сгнили мешки, все предусмотрели. Эти 4 мешка нас спасли от голодной смерти. Все подробности опишу позже.

Вот такие строки написал я про Сталинград. Эту песню я посвятил своему отцу и всем бойцам, погибшим под Сталинградом.

Сталинград

Надорваны глотки, хрипят,

Всхлипы и стон издавая.
И снится им сон, что поет соловей
Свист осколков кремешного ада.
Вой канонады катюш,
Пулемет стучит, не умолкая.
И снится им сон, что поет соловей
Свист осколков кремешного ада.
Остались на поле лежать,
Отчизну бойцы защищая.
И снится им сон, что поет соловей
Свист осколков кремешного ада.
Вечная память бойцам,
Застывшим на плите мемориала!
И снится им сон, что поет соловей
Свист осколков кремешного ада.

Дрова

Мама перед родами была уже не годна ездить в лес за дровами. А тут родился брат, она еще была больна, а топливо закончилось. И нас мама отправила в лес за дровами. Хотя мы жили у дяди, но топливо было у каждого свое. Мама вставала рано, часа в три ночи, и начала себе готовить еду на день. Дядина жена умерла от тифа, и еду у них готовила старшая дочь Мария Павловна. А племянница начинала еду варить после мамы, часов в 5—6 утра. В общем, мы взяли с сестрой санки, веревки, чтоб привязывать дрова, и отправились в лес, это км 4 от нас. Прибыли в лес, назывался он Ровный и находился в глубоком овраге. Сестре в это время шел 12-й год, а мне 8-й год. Набрали дров, сложили на санки, привязали веревкой к санкам и тронулись в путь. Гора очень высокая, и мы потихоньку начали на нее взбираться. Доехали до самого пика, осталось чуть-чуть, силы были на исходе. Сестра идет впереди, а я сзади помогаю. Обуви зимней у меня не было, мне привязали калоши, их тогда называли шахтерские, и плюс взрослого размера на шерстяной носок. Калоши старые, без протектора. Сестра кричит – держи санки, а санки накатывают на меня, и я еду вниз. Калоши скользкие, я не могу удержаться, и нас вместе с сестрой тянет вниз. И мы бросаем санки – они летят вниз. Сестра плачет, а что делать? Давай опять будем пробовать выезжать, результат получился тот же – санки наши уехали вниз. Вначале сестра плакала, а потом стоим мы оба, плачем, что делать? Я снимаю калоши и в носках начинаем подниматься в гору. С третьей попытки нам удалось подняться в гору, но впереди нас ожидали большие трудности.

Я пошел, забрал калоши, и мы тронулись в путь. Когда мы ехали в лес, санки были пустые, и нам казалось, что нам эта работа по силам. А когда нагрузили дрова, санки глубоко проваливались в снег, и не было никаких сил их тащить. Проедем метров 100, давай отдохнем. Подъезжая ближе к дому, мы отдыхали уже через каждые 20 м. от дома мы были уже близко, а сил не было. И я пошел домой к родственникам за помощью. Пришли трое – Нюра, 1927 г.р., Катя, 1929 г.р., Семен, 1931 г. р. Они помогли довести дрова до дома.

Уже наступили сумерки, темно, а нас нет. Мама не находит себе места, думает, наверное, что замерзли. Мама себя ругала, корила: «Да зачем я их отпустила одних?». А причиной всего было то, что нас из дома выгнали немцы, и санки наши остались там, и мы ездили на дядиных санках, а они не едут. Потом мы еще не раз ездили за дровами, мама занимала у соседей санки, и мы ездили со взрослыми, одних мама больше нас не отпускала.

Отступление немцев

Январь приближался к концу. Немцы чувствовали себя беспокойно, с утра до вечера вывозили вещи, трофеи, видно было, что готовят к уничтожению. Последние дни перед отступлением, с 26 января 1943 года, начались пожары. Сжигали, видимо, все, что не могли с собой увезти. 28 января 1943 года, рано утром, первые отряды немцев ушли и сразу подожгли под мостом вещи и в других местах. Все горит, народ весь на ногах, в тревоге. Разведка, которую отправлял полковник Васильев, не успела вернуться, а уже стало светло. И вдруг в нашу деревню прилетели три артиллерийских снаряда. Деревня наша содрогнулась. Один снаряд упал недалеко от дома, в котором жили Сидоровы. Дом дрогнул, но устоял. Второй упал недалеко от мельницы. Третий снаряд угодил в дом Чуровских (это не дом, а хата небольшая, она вся ушла в землю).

У немцев началась страшная суматоха, спешат, кричат, лошадей гонят, стараются побыстрее удрать. В это время подожгли склад, где была техника – велосипеды, мотоциклы, и к этому складу был пристроен сарай, и там находились лошади. Склад подожгли, а про лошадей или забыли в спешке, или они больные. Как они, бедные, ржали, сторая в огне. Мы не очень близко были, но было очень хорошо слышно. Я видел тела сгоревших лошадей. Когда немцы ушли, улица опустела, началась эвакуация местного населения. Ведут на веревочке коров, на спине висят два снопа сена и два мешка на спине у коровы с вещами и продуктами. Мама стояла у окна, всех проводила, улица опустела. Мама говорит: «Теперь пойдем и мы». Мама тоже подготовилась, связала узелок, дала сестре и мне дала узелок. А у мамы на руках брат, ему шел 17-й день. Вышли мы из дома, прошли метров 50, мама остановилась и говорит: «Куда я иду? Нам там смерть». И мы вернулись назад. Узнав, что наши войска преследуют немцев, люди вернулись домой. Люди начали рыться в кострах, ребята тащили сгоревшие велосипеды, мотоциклы и запчасти к велосипедам. Дней через 5 уже начали ездить на велосипедах, только без камер и покрышек, на ободах по снегу. А в кострах, где горели, вещи, это оказались награбленные немцами вещи, которые они в спешке не могли с собой увезти, там и одеяла, и подушки, пальто и многое другое.

Возвращение в свой дом

Прошло не очень много времени, но было уже светло, и в селе появился полк Васильева. Шли они очень быстро, практически бегом. Мы вышли на улицу, увидели своих бойцов-освободителей. Тетя Наташа, мамина двоюродная сестра, вышла с решетом, начала сухари раздавать солдатам. Полковник запретил им брать сухари, но первые взяли.

Полковник Васильев ехал верхом в белом полушубке на белом коне. Я считаю, вот где его ошибка. Как погиб полковник Васильев? Первым прошел разведвзвод, немцы его пропустили, а следом шел остальной полк. Немцы сделали засаду, и снайпер снял его с коня. Погиб он в селе Турово, недалеко от Хохла. Вначале он был похоронен в селе Турово, а позже перезахоронен в селе Хохол. Полковнику Васильеву, Герою Советского Союза, поставили памятник в селе Хохол, рядом с церковью. Здесь всегда многолюдно. Люди с уважением относятся к полковнику Васильеву – освободителю села Хохол. У монумента всегда живые цветы.

После того, как прошли наши солдаты, мама осталась в доме дяди, а мы с сестрой пошли в свой дом. Когда мы вошли в свой дом, увидели, что там все разбросано по всему дому и в сених. А поскольку они печкой не пользовались, у них стояла металлическая печка, звали ее буржуйкой. То ли вытяжка плохо работала, то ли не было тяги, стены были черные. Мы с сестрой начали наводить порядок, что-то выбрасывали, что-то затаскивали. Завезли в сени велосипед, я занес лыжи, а хлам весь из дома выбросили. В доме жить было невозможно, пока не привели его в порядок. Побелили стены, потолок, отмыли пол, скамейки, стол.

Узнав, что пришли наши войска и преследуют противника, соседи вернулись домой и начали рыскать по дворам. В наш двор набежало много соседей и родственников, тащили все, что попадало в руки. Мы с сестрой ничего не могли сделать. Даже дядя родной забрал велосипед, а сын его – лыжи. Я так и вырос, не имея собственных лыж, а они с братом катались на моих лыжах. Сестра плачет, не пускает в дом, а они внаглую лезут. У тетки Татьяны жил пленный, она жила от нас через дорогу. К ней залезли на чердак и начали сбрасывать мешки с тряпьем, дело доходило до драки, друг у друга отнимали вещи. Когда все уже растащили, появился сосед-старик Егор Федорович Гудков, он начал их уговаривать: «Что вы делаете? Это не немецкий дом, это хозяйский дом, уходите все отсюда». Но они не расходились, продолжают свои грязные дела. Тогда он берет палку и начал палкой их бить, после этого только люди разошлись.

У нас дома ничего не осталось, все растащили. Когда мы вернулись домой, у нас сохранилась одна корова и боты, которые были под печкой. Ботами мы называли голенища, отрезанные от сапог. Вот эта обувь у нас одна на всю семью была. Если уходила мама на работу, то мы с сестрой не ходили в школу, ну и за братом смотрели. А если сестра уходила в школу, то мы с мамой сидели дома.

Для Хохла война как бы закончилась, а для нас она только начиналась. Даже все инструменты для работы в печи и те все утащили. После мама ходила по соседям, искала свои вещи. Приходит к соседке, рядом жила, видит свой ухват и говорит ей: «Кума, зачем же ты ухват наш взяла?» она в ответ хихикает: хи-хи, все берут, ми я взяла.

У нас с этой соседкой общая межа. Соседка жила с мужем и ребенком. Муж был плотник и столяр, валенки валял, в колхозе не работал. Так она скапывала стежку. Мама подойдет к ней: «Кума, ну зачем ты скапываешь стежку?» она свое: «Хи-хи, да я тут чуть-чуть подровняла». Мама в ответ: «Где же чуть-чуть, если стежки нет?». И, наконец, она маму достала: набила колья, а картошку выдернула. Начался скандал. Мама говорит: «У меня трое детей, у сирот ты отнимаешь последний кусок хлеба». А муж, видно, все слышал, вышел и на жену: «Уходи». «Кума, а ты успокойся, не шуми». Правда, больше она не нагнала. Это я описал один эпизод из нашей жизни, а на самом деле их десятки, все не опишешь.

После того, как немцы покинули село, мы с сестрой постоянно находились в своем доме. Наводили порядок, убирали, выбрасывали все лишнее из дому. Однажды мама уложила брата спать, пришла посмотреть, давала нам советы, куда чего положить.

Во дворе осталась большая копна соломы. Мама говорит: «Сгребите и покучней сложите» солому». Вот эта копна соломы чуть не лишила нас жилья. Когда немцы отступали, они хотели поджечь эту копну. В это время здесь жила эвакуированная из Воронежа, ее звали Анна, она сотрудничала с немцами. Только ей удалось уговорить немцев, чтоб не поджигали копну. Дома стояли близко друг к другу, в них жили семь маминых братьев. Потом мама спустилась в погреб посмотреть, что там осталось, а практически ничего, все съели – и картошку, помидоры, огурцы, капусту.

Мы больше месяца прожили у дяди, пока приводили дом в порядок. Побелили, на печке мама замазала все щели, чтоб негде было прятаться паразитам. Во время войны паразитов было много – вшей и клопов. Вши любят грязь и истощенное тело. Мыла не было, отсюда грязь. Перед тем, как переехать в дом, мама решила испечь хлеба. Натопила печь, и когда хлеб подошел, она его садила в печь, а по краям печи жгла солому, чтоб хлеб зарумянился, потом закрывала печку заслонкой. Это и есть подовый хлеб. Когда хлеб был готов, вынула его из печки.

По краям в углах грелись два чугуна с водой. Мама всех нас искупала, а белье – на противень и в печку. Было даже слышно, как вши трещали, лопались от высокой температуры. Первый день в своем доме мы были чистенькие. А маме не надо было рано вставать и готовить еду. И места всем хватало: на печке и на полатах. С продуктами была проблема, хотя у нас была закопана картошка и рожь. Мама как-то сумела договориться с соседкой, она нам заняла до весны картошки и муки.

Я упустил один случай. Это было во время оккупации. Однажды вышел на улицу погулять. Проходя мимо канавы, я увидел баночки круглые, на крышке рисунок красного цвета. Я взял эти баночки, залез на печку и играюсь. У мамы брал молоко немец. Он очень высокий, заходит в хату, видит меня и кричит: «Матка, ни хт, киндер!» он меня снял с печки, забрал эти баночки, а сбоку у них колечки, это маленькие мины. И он показывает маме: дернешь за кольцо, бух, капут. После этого я трофеи не брал в руки, мама запретила. Гадал мне очень умный человек, сказал: «Ты давно должен был погибнуть, но проживешь не менее 86 лет, может, больше».

Весна 1943 года

Март месяц приближался к концу, солнышко грело все сильнее. Побежали ручьи, снег осел. Ночных заморозков не стало. Лед на реке поднялся горкой. Заиграли лога, поток воды увеличился, лед начал трескаться, а на реке Девнице начался ледоход. Весна была дружной, воды в реке было много.

Мы утром с мамой вышли на гумно, вода до сараев не дошла метров 20—25. Мама говорит: «Такого разлива воды не было никогда. Вода дальше ольхи не выходила».

На Казенном мосту создался затор. Народу на мосту было много, в основном инвалиды Отечественной войны и пацаны. Приехали взрывники-военные, продолбили две лунки во льду, заложили заряд, нас всех с моста увели подальше, зажгли бикфордов шнур, и когда он догорел, произошел взрыв. Лед тронулся, льдины ударялись о двутавровую балку, мост содрогался, сильно высокий уровень воды был, такого никогда не было. Даже двутавровую балку развернуло градусов на 20—30. По реке Девнице в этот год текла алая вода. Да, видно, вся земля была полита кровью. Люди брали воду в ладони и смотрели: действительно, вода изменила свой цвет. Но это было так на самом деле. До взрыва проехал паренек верхом на лошади в сторону Староникольского. Лошадь сбросила седока и бежит в сторону моста назад одна. Народу было много на мосту, и мужики ее попытались остановить, поймать. Она с разбегу прыгнула через перила с моста против течения. Ее подхватило водой, развернуло, и она ударилась головой о двутавровую балку и ушла под мост. Выплыла из-под моста, и понесло ее по течению. А когда вынесло за пределы русла реки, она почувствовала землю и пошла в сторону домов. Увидев возвышенность, как бы островок, дошла до него, остановилась, стоит, узда на ней висит. Ребята поплыли на лодке к ней. Лошадь вела себя спокойно, они ее взяли за узду, и она шла за лодкой. Потом ее один парень привел к мосту, голова была пробита, кровоподтек. Парень, которого она сбросила, уже был на мосту. Лошадь отвели подальше от моста, посадили парня, и он уехал и больше не вернулся.

Дома, которые находились на северной стороне, попали под подтопление. У нас был огород у реки, и туда нанесло землю. Земля стала менее клейкой, и был хороший урожай картофеля. Ледоход на реке Девнице закончился, река очистилась от льда. Уровень воды начал резко снижаться, и как-то резко потеплело. Мама взяла лопату, мы вышли в огород, она воткнула ее в землю. Лопата легко вошла в землю, значит, земля оттаяла. Пора вскрывать яму, а то уже есть нечего. Зашли в сарай и начали откапывать яму. На первой лопате земля была талой, а на второй штык лопаты – чуть подмерзшей, но отламывалась кусками, и ее хорошо было выбрасывать. Убрали землю до соломы, потом мама убрала солому ржаную, появились мешки. Мама потрогала мешки – не сгнили, крепкие, и запаха плохого нет. Верхние два мешка вытащили как-то, хватило сил. Мешки были очень тяжелые, по 6 пудов, а это центнер. А два мешка, которые лежали на дне, вытаскивали частями, таскали ведрами. Мам это зерно частями разложила в разные места, подальше от людских глаз. Один мешок по половинке положили под печь, второй – на печку, третий – на полати, а четвертый – под пружинный матрас, который нам достался от немцев. Он уцелел потому, что был тяжелым, и одному его не донести. В результате у нас получилось 8 мешков по половинкам. Время было голодное, и мама прятала зерно. Она боялась, узнают люди, могут убить, и такие случаи были.

После этого мы уже зажили хорошо. На ручной мельнице дробили зерно, получалась крупа или сечка, и мама варила кашу, ее в деревне звали мамалыга, вот такое было кушанье. Мама готовила мамалыгу, и потом мы ее ели с молоком. Для нас в то время это был деликатес.

Что такое ручная мельница? Это доска метра полтора, в нее врезается столбик с заостренным концом. Этот столбик обивают железом с дырочками, как терка, на столбик надевают чехол металлический с дырочками вовнутрь, тоже в виде терки. Этот чехол крепится

к досточке. Досточка толщиной 40 см, на конце этой досточки круглая ручка 25—30 см. засыпаешь зерно, и вдвоем начинаешь эту ручку вращать, и зерно дробится. С неделю мы набирались сил, ели мамалыгу с молоком. Мам говорит: «Пока погода хорошая, пора откапывать картошку и переносить в погреб. Встали утром, позавтракали и пошли откапывать картошку. Когда отрыли яму, сняли сверху ржаную солому и сами удивились: картошка была как с грядки, в прекрасном состоянии.

Мама зовет отцова брата: «Семенович, иди посмотри картошку». Он посмотрел и говорит: «Чертов немец, стало быть, умный – приспособил трубу». Это была отдушина, через которую поступал воздух.

Погреб мы заранее привели в порядок, сделали заком и от дяди начали переносить картошку в свой дом. А картошки было ведер 70, на семена и на еду. Тут мы зажили совсем хорошо, ели картошку со сметаной – настоящий деликатес, копили силы для копки огорода лопатой.

Настало время засеять огород различными культурами. В первую очередь мы посеяли рожь, но она выросла и созрела, ведь земля была удобрена конским навозом. Рожь сеют под зиму, но у нас такой возможности не было. Потом посеяли свеклу – ее рано сажают. Картошку посадили в конце второй декады апреля, урожай был отличный. Я уже упоминал про конский навоз. Огурцы, помидоры, капусту высадили попозже, когда земля основательно прогрелась. Урожай был очень хороший, рожь выросла выше человеческого роста и косили ее чуть позже, чем в полях, в конце июля или в начале августа, намолотили пять мешков, молотили ее цепями. В своем доме зажили как в раю. Жарко – спишь на полатах. Холодно – на печке или на пружинном матрасе, а у дяди спали на полу на соломе.

Первые победы в Великой Отечественной войне очень сильно повлияли на настроение народа. Народ трудился сутками на заводах и с утра и до позднего вечера в сельском хозяйстве.

Незабвенный полководец Жуков

Первая победа под Москвой, когда немца отбросили от столицы на 200 км. Вторая очень яркая победа – под Сталинградом 2 февраля 1943 года. Воронеж был освобожден 28 января 1943 года. Народ поверил, что советская армия способна сокрушить врага. Главные события произошли на Курской дуге, где тщательно велась подготовка к операции. Была построена трехуровневая оборона на случай отступления. Немцы были очень сильны в летнем наступлении. Проходит апрель, май, июнь, а немцы не наступают. Некоторые маршалы советовали самим начать наступление. Маршал Жуков стоял на своем: только оборона. И когда немцы начали наступление, наши солдаты, стоя в окопах, выбивали их. Это пишу к тому, что некоторые писатели пишут, что Жуков не жалел солдат. Еще говорят, что Сталин был несговорчив, как описывает Жуков на самом деле. На Курской дуге была одержана первая победа, немцы отошли на исходные позиции. Сталин настаивал продолжить наступление, и Жукову с Василевским стоило огромного труда уговорить Сталина. Жуков с Василевским просили: 1) дать солдатам передышку, 2) тщательно подготовить операцию, 3) пополнить запасы снарядов, горючего и питания. Сталин согласился. Начали наступление 3 августа 1943 года, а 5 августа после мощного удара освободили Белгород, в этот же день освободили Орел и продолжали двигаться на Харьков. 23 августа освобожден Харьков. Некоторые писатели пишут, что Сталин и Жуков – люди особо одаренные, их мысли очень и очень трудно угадать, они родились под счастливой звездой, и талант им дан Богом. Жуков приехал в Одессу как командующий округом. Шпана там раздевала офицеров, отбирала оружие, а Жуков за три дня их убрал. Вот ответ на все вопросы.

...Я прочитал книгу Владимира Карпова «Генералиссимус». Писатель Карпов был военным инспектором, служил в армии. Однажды он приехал в Уральский округ, который возглавлял маршал, четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков. В функции Владимира Карпова входила разведка. Проверив положение дел в округе, Карпову очень хотелось встретиться с Жуковым. Он придумал такой вариант: доложить Жукову о результатах разведки и пообщаться. Адъютант одобрил этот вариант, если получится.

У Жукова был на приеме полковник. Когда он вышел, Карпов попросил разрешения, и Жуков его принял. Начался разговор: у кого служил, на каком фронте. Карпов ответил: «Да все мы у вас служили» и еще больше привлек внимание Жукова. У Карпова на груди была Звезда Героя. Жуков спрашивает: «За что получил?» Карпов в ответ: «Разведка». Жуков с большим уважением относился к разведчикам. Карпов продолжает: «За языком ходил». 69 языков привел. А когда Карпов учился в военном училище, занимался боксом, потом проштрафился, его осудили, и он получил срок. А потом началась Великая Отечественная война. Карпов попал в штрафной полк и вину свою смыл кровью, стал Героем Советского Союза. Вначале Жуков был в Одесском округе, но боялись, что он убежит в Турцию – близко граница. Его переводят в Уральский округ.

Жуков – фигура известная, авторитетная. Когда была майская демонстрация, Жуков был на трибуне. Демонстранты подошли к трибуне, остановились и скандировали: «Жуков! Жуков!» Жуков вынужден был уйти и сесть. Ему каждый раз все вменялось в вину. И вот Карпов описывает, когда приезжали инспекторы, они обязаны были поставить его в известность. Они этого не делали, а Жуков человек принципиальный, мог выпроводить инспекторов. Карпов описывает, что Берия решил арестовать Жукова. Дошли слухи до Жукова, и он привел свой округ в полную боевую готовность. Слухи об этом дошли до Сталина, тот напугался, стал звонить Жукову, что, мол, пора выдвигать тебе свою кандидатуру в депутаты Верховного Совета, авторитета тебе не занимать, тебя поддержат. Вот что такое личность и характер, это

не каждому дано. А позже Жуков арестовывает Берию. Хрущев вызвал Жукова: «Ты сможешь арестовать Берию?». Тот говорит: «Смогу».

Все крупные победы в Великой Отечественной войне были одержаны под руководством маршала Жукова. Он отстоял Ленинград, одержал победу под Ельней, отстоял столицу Родины – город Москву. Под Сталинградом была одержана победа. План разрабатывали Жуков с Василевским. И когда Паулюс был взят в кольцо, Сталин позвонил Жукову, что дальше делать. Жуков ответил: расчлениать и уничтожать. Курская дуга – тут Сталин полностью доверился Жукову, и победа была одержана. А когда отстояли Москву, Сталин начал наступление на всех фронтах, с чем Жуков был не согласен. Войска устали, нужно дать передышку. Сталин Жукова не послушал, и немецкие войска дошли до Волги, на зееловские высоты. Когда началось наступление на Берлин, Жукову достался самый трудный участок. Здесь фронт Жукова наступал в лоб, не было пространства для маневра, да и вообще не было простора. Потому что от Одера до Берлина было несколько оборонительных рубежей, которые представляли собой сплошную оборону. Если в других операциях после прорыва первых рубежей сопротивление противника ослабевало, то здесь, наоборот, возрастало. В полевых условиях войска упиралась в оборонительный массив – крепость Берлин. И вот здесь проявилось военное искусство Жукова. Он ввел в бой две резервные танковые армии без разрешения генерального штаба и генералиссимуса Сталина. Это позже отрицательно сказалось на его карьере, Сталин ему этого не простил. Каждый хотел получить большие заслуги за взятие Берлина под его руководством. С вводом двух танковых армий Жуков решил уничтожить главные силы врага на первых рубежах обороны. Вложить все, сломать, раздавить, уничтожить войска противника в поле. Тогда легче будет брать Берлин. Если бы войска противника не понесли большие потери в борьбе за зееловские высоты и организованно отошли в город, они бы в домах-крепостях оборонялись бы несколько месяцев, как мы под Сталинградом. Жуков их уничтожил, подавил, деморализовал могучими ударами в поле, а в город отошли остатки почти не управляемых частей. За две недели прорвать 60-километровую оборону, а затем за несколько дней взять такую махину как Берлин – победа выдающаяся. Имея опыт борьбы под Сталинградом, когда дом Павлова несколько раз переходил из рук в руки, то наши его займут, то немцы. Если бы немецкие войска смогли отступить в Берлин, то начались бы затяжные кровопролитные бои, сопровождающиеся большими потерями. Если войска засели в каждом доме, то там уже стреляет каждый угол, окно, чердак и подвал. И войска несут большие потери. Когда начиналась операция по взятию Берлина, на каждом квадратном километре стояло 367 орудий и включено 140 артиллерийских прожекторов, которые ослепили и воинов, и жителей Берлина, – это ад! Жуков никогда не действовал нахрапом, он тщательно готовил операции, продумывал все до мелочей. И, наверное, то, что он сумел уничтожить основные силы противника в поле, дало успех операции, может, сохранило жизни тысячам наших бойцов.

Раньше, когда крупные населенные пункты оказывались в полосах наступления фронтов, их чаще обходили. Такого сражения, когда фронт целиком входил в такой огромный город, как Берлин, не было. Берлинское сражение было последним, немцы стояли насмерть, отступать им было некуда. Потому немцы оказывали яростное сопротивление. Берлинская операция была проведена в кратчайший срок, через девять дней Берлин пал. Такого мировая история не знает. Военные стратеги считают, что была проведена уникальная операция в мировой истории.

Вот поэтому Жуков попал в опалу, не спросил разрешения у Верховного Главнокомандующего. А на войне промедление смерти подобно. Нужно успеть опередить противника. Во время войны Жуков занимал высокий пост – первый заместитель Верховного Главнокомандующего. А когда война закончилась, его отправили командовать Одесским военным округом. Но и в Одессе Жуков не потерялся. В то время там орудовала шпана, военных раздевали, отбирали награды и табельное оружие. Жуков за три дня убрал шпану, очистил Одессу от жулья. Создал отряды из разведчиков, которые помогли арестовать жулье. А Жукову приписали, что

он создал отряды для переворота власти, перевели его из Одессы в Свердловский округ, а то он из Одессы сбежит в Турцию.

Из речи Черчилля, что он говорил о Сталине. Британская энциклопедия, от 25.12.1959 г. Привожу дословно: «Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний ее возглавил гений и непоколебимый полководец И. В. Сталин. Он был выдающейся личностью, соответствовавшей нашему жестокому времени, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии и несгибаемой воли, резким, жестким, беспощадным, как в доме, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не смог ничего противопоставить. Сталин, прежде всего, обладал большим чувством юмора и сарказма, также способностью точно выражать собственные мысли. Статьи и речи писал только сам, и в его произведениях звучала исполинская сила. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государства всех времен и народов. Сталин производил на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы словно по команде вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Был непревзойденным мастером, находя в трудные минуты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью, он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожил руками своих врагов. Заставил даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием. Нет, что бы ни говорили о нем, история и народ его не забудут».

Известие об отце

Летом, не помню месяц, июнь или июль, приходит к нам поздно вечером почтальон. Мама уже пришла с работы, почтальон говорит: «Тетя, вам пришли вести». Мама спрашивает: «Какие вести?» Почтальон говорит: «Не очень хорошие». Вынимает он из сумки листок размером 10—12 см и начинает читать, так как мама неграмотная. Предупредил, мол, тетя, ты сильно не расстраивайся, не волнуйся. «Грибанов Николай Семенович пропал без вести 13 января 1943 года», – вот такое короткое было сообщение. Маму потрясло такое сообщение, она очень плакала, и мы тоже. Даже не было сил подоить корову. Слух раздался, собрались родственники, соседи. Конечно, все сочувствовали, переживали и вместе с мамой плакали. Племянница Мария Павловна пришла, подоила корову. Пришел дядя отцов, тоже сочувствовал, переживал и говорит: «Колька, да как же ты с такой силою поддался? Ты бы оглоблей мог сокрушить десяток немцев». Утром мам встала, может, она и не спала, подоила корову и проводила в стадо. Мама ходила как тень, силы ее покинули. Ходила больше молча, даже нам, детям, становилось страшно. Но с другой стороны понять маму тоже можно, на ее шее остались трое малолетних детей. И помощи ждать не от кого ни в настоящей жизни, ни в будущей. Из близких родственников у нас погибли четыре человека: отец, двоюродный дядя, дядин старший сын, маминой сестры старший сын – офицер, старший лейтенант, убили его в 1944 году под Житомиром.

После завершения Сталинградской битвы практически все немцы попали в плен, долгие годы они работали на стройках в городе Воронеже, разбирали завалы и строили новые дома. Когда их везли на машинах на работу или они шли пешком, пацаны в них бросали камни. Вот что такое чужбина, как говорят, и заяц может пнуть на чужбине. Сталин им дал понять, кто герои, кто разрушает города или кто строит города. Домой их отпустили после смерти Сталина, в 1956 году, в ГДР.

Как учились в 1940-е годы

После того, как в 1943 году немцев изгнали из Хохла, у нас открылись школы. В 1943 году я в школу не пошел, так как идти было не в чем. Пошли девчонки и ребята старше меня, мои ровесники пошли в первый класс, два парня. Ученики были разных возрастов, от 1931 года рождения до 1935 года включительно. Все это потому, что мы были в оккупации, школы не работали.

В школу я пошел в 1944 году. Брата двоюродного призвали на войну, а мне перешили его брюки. Первых классов было два. С одной стороны улицы, где я жил, десять ребят, с другой стороны – 20 ребят, а вот девчонок было примерно поровну. Пошили нам сумки холщовые с двумя ручками. Сумки у нас называли «костры», что за название, не знаю. 1 сентября 1944 года нас одели почище, в сумки положили бумагу, карандаш и еду – кусочек хлеба и помидор. Когда мы пришли в школу, нас разделили на классы А и Б. Я попал в первый класс А. нас построили в линейку, и учитель, проходя мимо, посмотрел на наши ноги. А ноги наши не отличались от земли, мы стояли босые, обуви не было, мыла тоже. Учителя нам стали говорить: «Вы бы хоть ноги отмыли» мы после школы пошли на реку Девица и там пытались ноги отмыть. Мы их драили и песком, и кирпичом до крови, но толком не отмыли, а еще у большинства на ногах были цыпки. На нашу группу из 13 человек дали один букварь. И вот мы собирались в одной семье и читали. Самый смешной был первый день чтения. На первой странице букваря были написаны слоги АУ и УА, и вот мы все хором кричим: АУ, УА. Кричали, кричали, а где АУ, где УА, под конец стало непонятно, потому что мы буквы не знали, как называются. И мы вышли на улицу, идет парень, кличка его Соловей, спрашиваем, где АУ и где УА, он нам пояснил, что первое АУ, второе УА, и мы начали изучать азы науки. Нас даже в пятом классе вызывали к доске читать вслух. Читали мы очень плохо, книга одна на несколько человек. Писали на чем придется, на газетах, квитанциях и т. д.

Смешные истории не закончились, они только начинались. С нового года мы начали писать чернилами. Чернила готовили из сажи, буряка, черных семечек. После оккупации с посудой было плохо. Чернильниц вообще не было, маленьких пузырьков тоже, в основном большие бутылки. Поскольку книг не было, мы задания домашние делали сообща в одном доме. Приходили каждый со своей бутылкой и начинали делать домашнее задание. Это были смех и слезы. И вот когда начинали писать, кто кляксу посадил соседу в тетрадь, а кто опрокинул бутылку и все залил, без таких происшествий практически никогда не обходилось. Получалось так: одни смеются, а другие плачут. Но это не самое страшное. Самое страшное было зимой. В школе классы не отапливались, чернила замерзали, да и мы сами замерзали, света не было.

Первые уроки арифметики проходили так: устно учитель задает пример: $3+5$, а мы поднимали руки, и она спрашивала, сколько получилось. Где-то через час начинало светать. Как солнышко появлялось, начинали писать. А у нас руки и пальцы замерзли, тогда Евдокия Семеновна, наш учитель, начинала нас «оживлять»: «Мы писали, мы писали, наши пальчики устали. Сжали и разжали кулачки!» И она считает: раз-два, раз-два, и т. д. таким образом она нас «оживляла», делали мы такую зарядку. Но было и такое, когда мы совсем замерзали, она давала задание на дом и отпускала домой.

Ручек заводского производства практически не было, в основном самодельные. Самодельные ручки делали из гусяного или петушиного пера. Срезали наискосок перо с обеих сторон, и получалась ручка. А у кого было перо заводского производства, брали палочку, ее расщепляли и туда вставляли перо, обматывали ниткой, чтобы перо не выпадало. Позже появились ручки деревянные с металлическими наконечниками, куда вставлялось металлическое перо. Потом появились ручки из металлической трубки, наконечник такой же, как у деревян-

ной, только перо, когда заканчиваешь писать, вставляется внутрь трубки. А ручки пипеточные, поршневые появились позже, когда я уже учился в старших классах. Когда у ребят появлялись ручки заводского производства, деревянные с металлическим наконечником или из металлической трубки, мы, конечно, завидовали, не говоря уже о ручках пипеточных, поршневых. Такие ручки имели дети более обеспеченных родителей – учителей, работников райкома и т. д. на ручках пипеточных и поршневых на колпачке имелся зажим, он вставлялся в нагрудный карманчик, и зажим блестел. А безотцовщине не то что костюм, даже ручку было не на что купить. Мы жили в основном надеждой и мечтой: вот вырасту, заработаю много денег и тогда куплю. Но в жизни все не так просто. Вырос – это еще ничто, а вот заработать хорошую заработную плату не так просто. Нужно время и упорный труд, чтобы идти к своей намеченной цели. Мне пришлось ждать 7 лет, когда я достиг потолка заработной платы, подробности позже.

Бумага, какая была, закончилась, и мы пошли с мамой на базар, купить тетрадь и ручку. Тогда все было дефицитно и дорого, шла война, деньги обесценились, много было фальшивых. Например, булка хлеба заводской выпечки стоила 2000 рублей. Мама купила мне тетрадь за 150 рублей и металлическую трубчатую ручку, не помню, сколько она стоила. После мам говорит: «Ну тебя к шутам, такие деньги тратить на тетради, тут на еду не хватает».

Ура! Победа!

Прошла зима, настала весна. Великая Отечественная война близилась к завершению. 9 мая 1945 года мы встали утром, позавтракали и пошли приводить гумно в порядок. Работали в огороде, сестра говорит: «Какой-то на улице шум». Мама ей в ответ: «Работать неохота, вот и придумываешь». Прошло время, тишина, на огородах ни одного человека. Мама и говорит: «Куда весь народ подевался? Выйдем на улицу». Когда мы вышли на улицу, встретили мою учительницу Евдокию Семеновну. Мама спрашивает: «Евдокия Семеновна, что случилось?» та в ответ: «Вы что, не слышали, что война закончена? Я уже всех оповестила, весь народ собирается около сельского совета». Когда мы пришли к сельскому совету, там уже было много народу, и мы встали около дерева, где стояли инвалиды войны. Стояла гробовая тишина, все ждали, когда выйдет уполномоченный и объявит новость. Каждый боялся пропустить хоть слово, действительно ли Великая Отечественная война закончилась. На сельском совете висели флаги, была торжественная обстановка по случаю Победы. Выходит человек в военной форме, поднимается на стол и начинает произносить речь: «Великая Отечественная война победоносно завершилась, враг разбит, победа за нами. Ура!» что после этого началось! Каждый по-своему выражал восторг по случаю победы. Инвалиды Великой Отечественной войны тоже плакали, обнимались, бросали вверх головные уборы – фуражки, шапки, пилотки. Они падали в лужи, да что там лужи! Он поднял свой головной убор, отряхнул, надел на голову и кричит: «Наша взяла! Ура!» в это время моросил мелкий дождик, все стояли, никто не уходил. Женщины постарше крестились, благодарили Господа Бога. Война длилась долгих четыре года, и народ страшно устал, обнищал. Отапливать дома было нечем, пожгли все плетни и сараи, а некоторые сожгли даже сени, и стояли одни хатенки.

После митинга пришли домой, инвалиды войны решили отметить праздник Победы, к ним присоединились женщины. Когда накрыли стол, разлили самогон по стаканам. Михаил Иванович сказал: «Поздравляю всех с праздником Победы» выпили по чарке, лица были радостные, смеялись, улыбались, были довольны. И действительно, настроение было прекрасное, война закончилась. Наполнили стаканы вторично, и Михаил Иванович снова произнес тост: «Давайте выпьем и помянем тех, кого нет с нами и никогда не будет». У женщин брызнули слезы из глаз, потому что у кого погиб муж, а у иной погиб сын, брат, отец. И настроение резко поменялось, 5 минут назад было радостное, и вдруг сразу уныние, слезы. Боль не уходит навсегда. На самом деле, не было такой семьи, в которой не погибли бы близкие или дальние родственники.

Закончилась война, фронтовики ехали домой, к своим родным очагам. Народ начал возвращаться к мирной жизни. Фронтовики, вернувшись, начали обустраивать свое жилье. Плели плетни, облагораживали свои дворы. Делали сараи для коров, овец и для корма скоту. Коров сохранили практически все, а вот овец не было. Овец снова начали разводить после войны. Вот овцы и вытащили страну из разрухи. Где были в семье мужики, там люди оставляли в зиму по 5—10 овцематок. А вот один отец вместе с сыном жил, у них двор был общий, а дома разные, так они оставили в зиму 20 овцематок. Жили скрытно, никого в дом не пускали. У сына было три сына, одевались сыновья хорошо, они из всех выделялись. Шубы были у них черного цвета, низ обшит оторочкой, позади разрез, воротники темно-коричневого цвета, ворс короткий, красивый. Кубанки были тоже темно-коричневого цвета, на макушках красные ленты крестом. Про них ходила такая легенда, что один мосол месяцы варят. А на самом деле они ели мясо, у них в конце года было 60 овец. Дед у них был крепкого телосложения, с богатой шевелюрой, лицо красное, ходил щеголем. Мы оставляли в зиму двух овцематок, осенью было 6 овец. Трех мы продавали, а старую резали себе. У романовской овцы большой курдюк, мама топила его на жир.

Романовская овца – одна из лучших пород, приплод даст – 2 ягненка, много шерсти (две стрижки в год – летом и осенью). Старая овца двух лет дает 30—35 кг мяса, от молодки мало мяса – 12—14 кг. Из шерсти валяли валенки. Осенняя стрижка, называли осенница, хорошо каталась эта шерсть, делали носки, чулки, варежки, перчатки, шерстяную одежду. Из овчины кожи делали хром для обуви. А главное, овца – неприхотливое животное, ей надо мало корма и не требуется зерно. Любая маленькая трава – и овца всегда сыта. Мы заготавливали ветки для овец. Я обрубал сучья вербы и ольхи, мама их связывала в снопы и складывала в скирд. Когда я давал ветки, первой ела корова. Овец приходилось убирать, иначе корова могла их боднуть. После того, как корова объедала ветки, корову убираешь и выпускаешь овец. Овцы – они очень аккуратные, подберут все до одного листочка, даже сучки похрумят, то есть погрызут. Овец держали очень многие, но не все, причина – нехватка корма. У нас было три табуна частных овец и плюс колхозный табун овец.

В 1963 году Хрущев решил догнать Америку по мясу и забрал овец у частных. А вместе зерновых перешел на кукурузу. Через год страна осталась без хлеба. Но он ее оставил и без мяса. Маленькие люди делают маленькие ошибки, а большие люди делают большие ошибки. В 1964 году я был в отпуске, снабжение было очень плохое. Мяса не было, хлеб из кукурузы. Мы поехали с женой в Воронеж на рынок. Очереди большие, продают в основном сало. Берут все по много, сзади кричат: «Давай по 1 кг!» Мы заняли по две очереди, жена у одного частного, я у другого. Где жена стояла, сало закончилось. А я брал сало предпоследний, взял 4 кг. Сзади меня женщина стояла, ей осталось килограмма 2, я с ней как бы поделился.

Как я научился плести из лозы

Домой с войны вернулись из родственников 4 мужика. Мама когда заходит к ним в дом, мужики что-то мастерят. Мама приходит домой и говорит: «Иди посмотри, кум гнездо делает. У тебя отца нет, учить тебя некому». Гнездо – это как детская люлька, только круглой формы. Люлька эллипсообразной формы, и я иду и смотрю, как обруч гнет круглой формы. Потом начинал колышки строгать, срезает больше половины ствола, и лоза становится гибкой. И он этот колышек огибает вокруг кольца и выходит на наружную сторону, конец заводит под изгиб, затем натягивает, чтобы колышек крепко держался за кольцо. Когда колышки все поставит, дает день-два, чтобы они подсохли. Когда они подсохнут, они крепко держатся. После этого начинает заплетать лозой тонкий хворост, оставляя пространство для рук напротив друг друга, чтоб гнездо нести можно было вдвоем, взявшись за обод. Обод делается прочный, толщиной 15 мм. Вот так я осваивал это ремесло. Первое гнездо я сплел для картошки, с погреба ее приносить. Объем ее был небольшой, чуть больше ведра, и место, где братья руками, оставляешь обязательно. Как говорится, руку показал, пошли заказы. Мам говорит: «сплети корове гнездо». Когда корова находится в хлеву, там есть ясли, а когда во дворе, нужно гнездо, чтобы сено не втаптывалось в грязь. Корове плетется гнездо большое, диаметр обруча сантиметров 80 и высота 75—80 см. потом я сплел гнездо для торфа, небольшое, ведра на два, носить торф из сарая в дом. Потом сплел гнездо для тачки ведра на четыре, возить свеклу, капусту, картошку.

В дальнейшем мне предстоял огромный фронт работы: оплести двор, сплести три зава-линки, сделать ворота на улицу и ворота меньшего размера в огород, но все это было позже. А когда война закончилась, мне было всего десять лет. На меня мама возлагала надежды, как на взрослого мужика.

Главный работник

Прошла зима, настала весна, начинаются работы в огороде. В деревне в три часа утра народ уже на ногах. Первыми встают женщины, доят коров и провожают в стадо. Проводив корову, мама выходила в огород посмотреть, что делают люди. Там уже работы идут везде, а у вдов одни охи да вздохи. Заходит в дом и начинает вслух говорить: «Канариха копает, Миридриха копает, Шмелиха копает, а ты спишь». Канариха, Шмелиха – это деревенские прозвища, каждому роду свое. И вот так мама с утра начинает голосить, чтобы я скорей вставал. Я же ребенок, мне охота поспать. Я вставал нехотя и шел копать огород. Когда учился в семилетней школе, мама приготовит завтрак и говорит: «Иди, поешь и собирайся в школу». Придешь из школы – другой наряд: вскопай под свеклу. Огороды копали штыковой лопатой. Иногда скажешь: «Мам, может, я приду, уроки сделаю, а потом копать?». Ответ один: «Мне твоя учеба не нужна. Зимой чего есть будешь?». Из зерновых культур сеяли рожь и просо. В первую очередь сажали свеклу и морковь, потом картошку и в последнюю очередь овощи – огурцы, помидоры, капусту, редьку, а лук и чеснок практически не сеяли. У нас было два деда, один чеснок, лук сеял, но рассаду никому не давал, а второй держал пчелу, получал мед, имел свой омшаник, где зимой находились пчелы. Садов тоже мало было, их уничтожили, потому что брали налог с каждой яблони. Есть урожай или нет – налог плати. Груши и вишни были, а вот смородина, сливы, клубника, малина – в помине не было такого. А в лесу орехов было много и росла земляника.

Заканчивается учеба в школе – начинается лето. Работы – непочатый край.

Мама, уходя на работу, дает наказ: телка на луг отведи, не забудь там молоток, да забей покрепче, чтобы телок не сорвался и не убежал. В обед телка напои, нарви корове мешок травы. Придет корова из стада, ведро-доенка должно быть наготове. Потому что корова заходит в сени – и полилось молоко. Воды в бочки натааскай, свеклу прополи, огурцы, помидоры, капусту полей. К ночи не забудь нарвать мешок травы. Если долго не приду с работы, телка приведи домой. А еще хочется искупаться в реке Девица. И хочется сходить в поля, там созрели горох, вика и чечевица, нарвать, принести домой снопок, мы же голодные были, есть постоянно хотелось. А если не успел что-нибудь сделать, получаешь по ушам. Все делали бегом, практически все успевали. Тогда не пропадала ни одна травинка, у всех был скот, в основном коровы, а корове нужно заготовить на зиму 6 возов сена и другую еду.

Настал праздник Тихон. К этому времени трава созревала, начинался сенокос. А у мамы снова охи и вздохи. Погода стоит хорошая, а косить некому, у каждого свои дела. У нас был луг, соток 10. Мама ушла на работу, я слышу, как дядя начал отбивать косу, и попросил отбить нам косу. Настал вечер, жара спала, я взял косу, думаю, пойду попробую покосить. Коса хорошая, немецкого производства, косит хорошо, но режет с землей. Мне в это время было 13 лет. На лугу косили двоюродные дяди. Видно, я заинтересовал их. Подошел ко мне Петр Иванович, попробовал косу и говорит: «Коса у тебя хорошая, а косишь ты тяжело». Дельного совета он мне не дал. Подошел Иван Иванович, тоже посмотрел, попробовал косу и говорит: «Васька, коса у тебя хорошая, но косишь ты очень тяжело, с землей режешь». Пришел косить Иван Николаевич, постоял, поглядел и говорит: «На, коси, а я погляжу». Посмотрел и говорит: «Васька, ростом ты маленький, а ряд широкий гонишь. Ты стань в рост и не сгибайся. Ряд у тебя будет меньше, но зато косить тебе будет легко». Я последовал его совету, коса пятой землю не режет, и косить мне стало намного легче. И после этого у нас в семье появился свой косарь. Вот что значит увидеть недостаток и дать дельный совет. Я косил допоздна, уже начинало темнеть. Мама пришла с работы, спросила у брата, где я. Он сказал: «Пошел косить луг». Когда пришла мама, я уже половину луга скосил. Она, конечно, была рада. Утром встал, луг докосил, сено разбросал – пусть сохнет. Погода стояла хорошая. Через 4 дня мы убрали

сено в хлев. Мама была рада, что в хорошую погоду скосили и собрали. Погоднее сено как конфета, под дождем не было. Теперь не надо никому кланяться, унижаться, все в своих руках. А через два дня пошел дождь. Видно, не зря есть такая пословица: летний день год кормит. Сено заготовили, теперь нужно заготовить топливо на зиму. А топили торфом, другого топлива не было. Потом нужно убрать рожь, скосить и обмолотить. Когда зерно в закроме, хозяин спокоен. Хлеб пели пополам с картошкой, терли ее на терке. Убранной ржи на год не хватало, поэтому добавляли картошку. После войны тяжело было, всего не хватало, в том числе одежды и обуви. Спали на печке, на кирпичках.

Как я закончил пятый класс

Четыре класса я закончил нормально, да и пятый бы закончил нормально, но настала весна, а мне не в чем было ходить в школу, обуви не было, да и брата не с кем оставить. Сестра пятый класс не закончила, надо было сдавать экзамены, а она оставила школу и устроилась работать на промкомбинат. Они с мамой уходили на работу, а я сидел дома с братом. Маму вызывала в школу завуч Татьяна Тимофеевна Мелехова, с мамой они повздорили. А Мелехова преподавала арифметику, и в четвертой четверти изучали дроби. Я, конечно, отстал, и меня оставили на осень по арифметике, хотя это был мой любимый предмет.

1 августа я пошел в школу изучать дроби. Арифметику преподавал Виктор Илларионович, участник войны. Когда он был в окопе, через него проехал танк и повредил легкие. Человек он был очень интеллигентный. У нас в классе стояло трофейное пианино. Он иногда садился и играл. Ходил я ровно неделю. Он объяснил мне дроби, что это такое, где там общий знаменатель. В субботу, когда я пришел в школу, он дал мне решить пять примеров, сам из класса ушел. Где-то пробыл минут 30, возвращается и спрашивает: «Задание сделал?». Я говорю: «Да». «Давай сюда». Проверил и говорит: «Все, можешь больше не ходить. Ты переведен в 6 класс». Я считаю, все было правильно, так как о дробях я не имел никакого представления.

А вот Татьяна Тимофеевна, хотя и маленькую пакость, но сделала. В нашу школу с другой стороны реки перевели 6 класс, и получилось два шестых класса – А и Б. так вот, она меня перевела в класс Б. Ребята там совсем чужие, я никого не знал. Конечно, был обижен, оторван от своих ребят. Шестой класс я закончил хорошо. Мама ездила в Воронеж, купила мне новые ботинки, брюки и новую телогрейку. Первый раз в жизни я надел новую одежду, целый комплект. Мама сразу сделала наказ: учись хорошо. Я, как и все дети, был рад, старался учиться хорошо. Экзамены все сдал на «отлично». В этот год сестра уехала на торфоразработки в Подмосковье, город Кашира. Мы остались втроем: мама, я и брат. Брат в этот год должен идти в школу, в первый класс.

Болезнь мамы

Пришла беда – открывай ворота – есть такая пословица. Мама работала поваром, готовила в поле обед трактористам. В конце августа мам попала под дождь, а дождь был сильный и холодный, промочил ее до костей. Она находилась от дома в 5 километрах. С одеждой в те годы было плохо, кофта да телогрейка. Мама простыла и заболела, а к 1 сентября уже с постели не вставала. Настало первое сентября, я брата собрал и проводил в школу. Брат пришел из школы, я иду и у мамы спрашиваю, что мне делать. «Ладно, иди учись, может, я как-нибудь оклемаюсь». Я два дня сходил в школу, и мама мне говорит: «Наверное, тебе придется бросить школу. Я, наверное, отработалась». И мне пришлось оставить школу на 2 месяца. Это был 7 класс.

Вставал я рано. Вернее, меня будила мама. В 3 часа ночи встаешь, идешь корову доить. Корову проводил в стадо – начинаешь еду готовить на день. Потом уже выходишь в огород. В первую очередь начинай копать картошку, а то дожди пойдут, потом ее трудно будет убрать. Я выхожу в огород, 5 грядок накапываю, до половины выберу, она подсохнет, и ношу во двор, ссыпаю в кучу. Закрываю ботвой, чтоб корова не подавилась. Захожу в дом, говорю: картошку убрал. Мама дает следующее задание: иди торф верхушку сними, перетаскай в сарай, а нижние бобки переложи наверх. Вечером корова приходит из стада – нужно доить. Пока все уберешь, уже темно. Прихожу в дом – надо готовиться к завтрашнему дню, намыть и сложить в чугунок картошку, залить водой, чтобы утром все было готово.

Поздно вечером заходит Мария Павловна, двоюродная сестра 1918 года рождения. Дает мне наказ: «Васька, гляди, если корова картошкой подавится, тебе конец». Не успел я убрать картошку – закончился хлеб. Под руководством мамы насеял муки, принес гущу для опары, деревянную кадку, нагрел воды и начал готовить тесто. Все это заложил в кадку, перемешал, укрыл одеждой и поставил на печь, чтоб тесто подошло. Утром снова добавляешь муку, перемешиваешь и ждешь, когда тесто подойдет. Как тесто готово, берешь ком и катаешь в муке по столу, придаешь круглую форму караваю. Делаешь шесть караваев. Когда все готовы, начинаешь заниматься печью. Топишь, чтобы было жарко. Угли раздвигаете кочергой по сторонам. Берешь помело, макаешь его в воду и подметаешь под, чтобы не было золы. Каравай кладешь на деревянную лопату, суешь в печь. Когда все караваи уже в печи, на угли, которые по бокам, кладешь солому. Она сильно горит, жаривает хлеб, чтобы не растекался. После этого плотно заслонкой закрываешь печь, и хлеб находится в печи часа 2—3, точно не помню, так как часов в то время не было. Больше половины дня я потратил на хлеб. После обеда я занялся торфом. Сухой торф сложил в сарае, а тот, который был внизу, я сложил в бабки для просушки.

Рухнули сени

На следующий день я планировал заняться картошкой, нужно с ней заканчивать. По какой-то необходимости пошел в дом и увидел ужасную картину: у нас рухнули сени, ушла торцевая стена. Сени были на столбах, столбы подгнили, и стена упала. Пришлось вместо картошки разбирать завал, чтобы сделать проход. Когда я рассказал об этом маме, мама заголосила, что ж мы теперь будем делать. Я тоже стоял и плакал. На следующий день я картошку докопал, перенес во двор, накрыл ботвой и пошел в дом. Открываю дверь в хату, и дверь падает на меня – обломился верхний крюк. Я напугался, закричал. Мама говорит: «Что случилось?». Я ответил, что упала дверь в хату, сломился верхний крюк. Вышел из хаты во двор, стою, плачу. Все развалилось, что делать, не знаю. Немного успокоился, зашел в хату, спрашиваю маму: «Что делать будем?». Мама говорит: «Найди два гвоздя, забей в притолоку и повесть ложник тканый из шерсти». Я забил гвозди, повесил ложник, может, не так, холодно будет. На дворе уже был сентябрь, и ночью было прохладно. (Ложником у нас называли тканое из овечьей шерсти одеяло).

Вечером я пошел к Ивану Ивановичу, маминому двоюродному брату, объяснил ему все дело. Он пришел с инструментом, вытащил обломок крюка и говорит, чтоб я завтра шел в кузню, попросил Ивана Антоновича выковать такой крюк. Утром я встал, сделал дела по дому и пошел к кузнецу. Пришел я в кузню, держу в руках сломанный крюк, а слова сказать не могу. Он глянул на меня – у меня текут слезы по щекам. Он подошел ко мне, взял крюк, начал ковать. Отковал крюк, охладил его в воде, сам потрогал руками, проверил, что не горячий, промерил и отдал мне, сказав: «На крюк, он готов. Зря ты расстраивался, иди и навешивай дверь». Вечером я собирался идти к Ивану Ивановичу, смотрю, он сам пришел с инструментом. «Ну что, крюк отковал?» я отвечаю: «Отковал». Подаю ему крюк, он просунул его в петлю – заходит нормально и начал забивать его в притолоку. Забил крюк, попробовал его покачать, сменил расстояние низ-верх и говорит: «Давай дверь навешивать». Повесили дверь, он проверил крючок, который внутри хаты закрывает, все подошло, ничего менять не надо. Он говорит: «Закрывай дверь на крючок и спи спокойно, никто вас не тронет». Я был рад, хоть одна забота с моих плеч свалилась. Да и из хаты тепло не будет уходить.

На другой день мама меня отправила к другому своему двоюродному брату Ивану Михайловичу. Он и его трое братьев все плотники и все с войны вернулись живыми. Я пошел к Ивану Михайловичу, передал ему просьбу мамы срубить сени. А тесть у него тоже был плотник. Он мне сказал: «Ладно, приду посмотрю». Пришел вечером, посмотрел: материал на основу есть, можно рубить сени. Через день они пришли с тестем, и началась работа. Основное время ушло на изготовление основы и установку столбов. А забрать три столба им не составило труда, на это ушел один день, так как старый материал не требовал подгонки. Через пять дней сени были готовы, оставалось обмазать глиной.

Как я возил глину

Дел у меня непочатый край: надо выкопать яму и закопать картошку. Первые слои, когда начал копать яму, легко поддавались, а внизу пошла глина, лопата не лезет, силы не хватает в глину воткнуть лопату. Кое-как выкопал, ссыпал в яму картошку – 70 ведер – и закопал. Пришла пора убирать свеклу сладкую и кормовую для скота. Выкопал я свеклу, почистил от ботвы, перенес во двор, а потом опустил в погреб. Нужно убирать редьку и морковь – процедура та же. Осталась одна капуста. С огородом практически разделался. Нужно заняться заготовкой корма для овец. Я начал обрубать сучья вербы и ольхи. Рубил целый день, нарубил много. На второй день начал сучья обламывать. На которых листва – в одну кучу, а ствол сука на дрова, на топливо. Когда все сучья обработал, начал связлом связывать снопы. Снопы перенес до дома и у сарая поставил стоя подсыхать. Маме доложил о проделанной работе. Мама мне дала совет заняться хворостом, а то вдруг пойдут дожди, хворост у реки может оказаться под водой. «В первую очередь руби хворост, который ближе к воде». И я начал заниматься хворостом. Нарублю, вязанку свяжу – и на спину, тащу ее домой. Хворост, он длинный, ствол на спине, а ветки волокутся по траве. На хворост потратил три дня. Потом тоже обломал и связал в снопы. Под хворост подложил толстые бревна, чтобы он не лежал на земле, и сложил кучу у плетня во дворе. Хворост пришлось носить на себе, расстояние – 500 м. заготовил на зиму хворост, чтобы с его помощью можно было разжечь торф, с помощью углей.

Я снова начал обрубать сучья на деревьях. Смотрю – начались первые осенние заморозки, иней на траве. Люди начали убирать капусту. Боятся, вдруг сильный мороз ударит, и капуста померзнет. Я тоже приступил к уборке капусты. Срубил капусту, очистил от листвы, во двор, в погреб не стал опускать, а сложил ее на верху на ольховые листья.

Приходит вечером Мария Павловна, двоюродная сестра, и говорит мне: «Васьк, ты хоть бы из Попихина рова на тачке навозил глины и песка. А я выберу время, мы хоть большие отверстия замажем в сених. А то настанет зима, а у вас полные сени будет снегу». Я говорю: «А где тачку взять?» «Иди попроси у деда Тимохи». «Да он мне не даст». Она говорит: «Пошли вместе попросим». Когда пришли просить тачку, дед Тимоха не отказал. Только дал мне наказ: «Через борт глину не вываливай, ноги отломишь. У тебя силы мало, ты тачку не удержишь. Вываливай глину через колесо или лопатой сбрасывай с тачки». Я ему ответил, что все понял.

Расстояние от Попихина рва до нашего дома 700 метров. Потом, когда я купил машину и начал ездить, я измерил это расстояние. В первый день, когда я приехал на тачке брать глину, оказалось, что вся она засыпана землей. Пришлось убирать землю, чтобы дойти до глины. Когда я докопал до глины и начал копать глину, мне попалась очень твердая порода, лопату в нее не воткнешь, пришлось ее просто рубить. Нагрузил первую тачку глины и отправился домой. Когда под горку спустился, вроде бы ничего. А когда поехал по дороге, я понял, что слишком много нагрузил, еле довез. Временби прошло больше полдня. Перекусив немного, отправился второй раз за глиной. Пока порубил, нагрузил тачку, а нагрузил меньше, все силы покинули меня, еле довез тачку. Вот так закончился первый мой трудовой день по поставке глины.

На второй день я не смог возить глину, утробил руки, ладони горели огнем. На третий день все же привез две тачки. Через день еще привез одну тачку глины. На песок потратил два дня, в день по тачке возил. Но песок хоть копать легче. В общей сложности заготовил материал для работы. Уже прошел слух по деревне, что 5 ноября приезжают торфушки. Мария Павловна 3 ноября приходит и говорит: «У меня сегодня свободный день, давай замесим глину, и я замажу хотя бы большие дыры». Разровняли кучу глины, добавили песок и навоз. Надо было бы нагреть воды, а у меня ума не хватило. Берем воду из колодца, и я босыми ногами

начал месить глину. Где густая глина, туда добавляют воды. Ноги мои замерзли, стали красные, как раки. Закончил я месить глину, ноги обмыл холодной водой, и начали мы замазывать щели.

На другой день я не смог встать, поднялась температура, началась ангина. Вот так меня Мария Павловна угробила. Я подносил глину, она залепляла щели. До обеда мы замес выработали, самые большие щели залепили. И Мария Павловна говорит: «Теперь зимой хоть снег не будет залетать в сени». А на второй день я не смог встать, заболели голова и горло. Мария Павловна пришла рано, стучит в дверь. Я встал через силу, открыл дверь, а она мне говорит: «Что-то у вас свет не горит». Я отвечаю: «Я заболел». Она пошла, подоила корову, проводила ее в стадо. Вскипятила молока: «На, пей, парься». И я маленькими глотками начал пить молоко, париться. Два дня я пил молоко, парился, чуть-чуть полегчало, но сил не было, ходил как тень.

Вернулась сестра

Наступило 5 ноября, надо встречать сестру, слух ходил, что они приедут к вечеру. После обеда я пошел в центр села Хохол. Дошел до центра – тишина, никто ничего не говорит. Подумал, что дальше делать, и пошел на Курган – там самая верхняя точка, где останавливаются машины. Прошел Красный мост и поднимаюсь на Курган, народу там стоит очень много. Не дошел метров 20—30 до толпы, а кто-то закричал: «Вон торфушки едут!» Машина была заполнена до отказа, девчонки ехали стоя, их было видно издалека. Подъехала машина, остановилась, все бросились к машине, принимают чемоданы и авоськи, помогают слезть с машины, поддерживают. Я стою в стороне, мы только друг другу помахали руками. Когда масса народу разошлась, я подошел к машине, сестра подала мне чемодан и авоськи. Я принял вещи, поставил на землю. Помог сестре слезть с машины. Сестра спрашивает, почему мам не пришла. Я соврал: «Да она дома, готовит». И сам не признался, что болею. Сам себе думаю: скажи правду, мы и до дома не дойдем. Чемодан оказался очень тяжелый. Я его кладу на ногу, и еле-еле идем. Может быть, чемодан не такой был тяжелый, просто у меня не было сил. А идти до дома 3,5 километра. Как говорят, с горем пополам дошли до дома. Зашли в дом, сестра подходит к маме: «Да что ты лежишь?» а вид у мамы был болезненный, хотя я ей перед этим причесал голову. Мам ответила: «Я болею». И про меня все рассказала. Сестра узнала правду о нашей жизни, не просто заплакала, а заголосила: «Да что ж вы ничего не писали? Я бы все бросила и приехала». А мам мне не разрешала писать, что она болеет, напиши, говорит, что у нас все хорошо. Мы еще не успели прийти в себя, как вдруг новый сюрприз. 7 ноября утром приходит брат двоюродный, он тоже с 1935 года, мы с ним учились в одном классе, Марии Павловны меньший брат. Чтоб внести ясность, опишу, что было два шестых класса, а так как многие побросали учиться, 7 класс был один. Брат двоюродный заходит в хату и говорит: «На свой табель» – и сразу уходит. Я полагаю, что Мария Павловна не разрешала отдавать табель, и он тянул до 7 ноября. Я взял табель в руку, листок был сложен вдвое, разлинован цветными карандашами. Верхняя линия красная, написано: табель. Нижние – зеленого цвета, написано: ученика 7 класса Грибанова Василия. Открываю табель, оказывается, меня аттестовали, по всем предметам выставили двойки, а внизу стоит пропуск 235 часов. У меня пол ушел из-под ног. Я был просто шокирован. Я не ходил в школу, и вдруг меня так аттестовали. Я просто был убит. Говорю сестре: «Что дальше делать?» она мне говорит: «Да иди в школу, что ты зиму будешь делать? Все заготовлено. Я и сама справлюсь».

Трудности в школе

Я пошел в школу со второй четверти. Человек я был стеснительный, и мне казалось, что на меня смотрит весь мир, что я круглый двоечник. Мне было очень стыдно. Каких сил стоило мне переступить порог школы, один Бог знает.

Сделаю маленькое отступление про Марию Павловну. В 1942 году у них от тифа умерла мать, их осталось семь человек: отец, 3 сестры и 3 брата. Она была самая старшая, и все заботы взяла на себя: готовила, стирала, вела хозяйство. Постоянно обращалась к маме за помощью, и мама ей помогала. И когда у нас случилась беда, она стала единственным человеком, который нас не предал. Каждый вечер заходила, спрашивала, какие дела, помогала делом и советом. Потому что она сама прожила тяжелую жизнь. Замуж не выходила, всех сестер и братьев поженила. И вот большие руководители приходят на высокие должности, они из обеспеченных семей. Они жизнь простого народа или не знают или знать не хотят. Что значит – поесть нечего или надеть нечего. И когда у меня сын стал взрослым, я ему рассказывал о своей трудной жизни. Он меня слушал, слушал и говорит: «Пап, ну я все понимаю, но я все это не испытывал. Я не был голодным, одет-обут, у меня все было. Чтобы понять твою жизнь, нужно самому испытать». Когда у меня женился сын, я ему купил трехкомнатную квартиру, полностью ее обставил: стенку, шкафы, две кровати, столы, диван, цветной телевизор, холодильник, ковры, даже включая посуду.

Пришел я в школу, как будто в первый класс. Ребята отучились два месяца, как говорится, набрали спортивную форму. Учителя задают вопросы, ученики поднимают руки, а я сижу, как пень, не знаю, о чем идет речь. Вызывают меня к доске, задают вопросы из пройденного материала. Ответа нет. Посыпались двойки. Я думал, все это не переживу, разные мысли бродили в голове. Единственный учитель, кто ко мне относился с пониманием, это Полина Петровна. Она преподавала историю и конституцию, ставила хорошие оценки, как-то поддерживала меня, поднимала настроение. Детская душа очень ранима, а задача педагога – сделать ребенка счастливым, чего наши педагоги не понимают. У нас все наоборот, живем по пословице «Научи дурака Богу молиться – он лоб пробоет». Кроме чем на двойки, ничего не знает, что делать. Дали власть – вклеил двойку, и полный порядок. Когда я пришел учиться в десятилетнюю школу, там были два умных преподавателя. Клавдия Ивановна преподавала физику, двойки не ставила, а ставила точку, заставляла выучить материал и на следующем уроке вызывала к доске и спрашивала прошлый материал и настоящий. Все готовились и получали положительные оценки. А Галина Григорьевна преподавала химию и добивалась, чтобы каждый ученик ее предмет знал хорошо. Она оставляла после уроков, делала дополнительные занятия и все же добивалась своего.

Наступила весна, учебный год закончился, осталось сдать экзамены. Первый экзамен был русский язык, второй математика, а потом начались экзамены по устным предметам. Когда все предметы сдали, начали вручать свидетельства об образовании. Вызывали по алфавиту, моя фамилия не прозвучала. Когда все свидетельства были выданы, назвали мою фамилию и сказали: «Грибанов оставлен на второй год, по математике двойка». Я сразу подошел к преподавателю математики Грибанову Ивану Васильевичу: «Почему двойку поставили? Задача у меня решена правильно, мне положена тройка». Ответ был таков: «У тебя вместо минуса стоит плюс». Настоящую причину, из-за чего меня оставили на второй год, я не знаю до сих пор. Или из-за того, что четверть пропустил, и они меня аттестовали в первой четверти все двойки. Тогда был лозунг – задержать молодежь в колхозе, может, по этому поводу, точно не знаю.

В 1971 году мы с семьей приехали в отпуск в Хохол. Сын учился в четвертом классе, и ему нужно было доучиться в Хохле в Сталинской школе 3 недели. Сын был круглый отличник.

Учил по математике Грибанов Иван Васильевич, тот же самый, который учил меня. Прошло более 20 лет с того времени. Вот сын пишет контрольную работу по математике. Пример, который дали сыну, не решается. Сын говорит учителю: «Пример неправильный». Учитель в ответ: «Решай». Сын говорит: «Как решать, если пример неправильный?». Он опять: «Решай». Сын говорит: «Он не поддается проверке». Он опять говорит: «Решай». Сын ему в ответ: «Тогда вы сами ничего не знаете». Получил два балла. Директор школы была Зинаида Васильевна, тоже математик, она все это сгладила. Сыну вручили похвальную грамоту. Я узнал об этом в 1973 году, когда снова приехал в отпуск. Мне рассказал шурыяк, они с отцом знали, нам с женой не сказали. Это что, месть? Анна Григорьевна Грибанова преподавала русский язык и литературу, точно такая, об этом я напишу позже. Я из-за нее чуть школу не бросил, учился в то время в 9 классе.

Мама стала инвалидом

Время пролетело быстро. Мама пришла в себя, здоровье ее улучшилось. Сестра устроилась на работу в столовую разнорабочей. В ее обязанности входило растопить плиту, нагреть воды, почистить картошку, помыть посуду. Ох, эта работа мне досталась, я ее и сейчас вспоминаю, как страшный сон. Мама всю зиму не работала, а настала весна, заходит бригадир и говорит: «Тетка Матрена, может, ты денек постережешь коров? Вроде работа нетяжелая». Мама согласилась. Мама не видела этих коров, они до такой степени были истощены, что их ветер валял. Выгнали они коров с еще одной женщиной, спустились в овраг, а там был родник, бежал ручеек. Коровы подошли и начали пить. У одной коровы ноги засосало илом, и она не смогла вытащить ноги, упала. Мама с подругой перепугались, давай коров отгонять, пытались упавшую вытащить из грязи. Ехал мужик на лошади, они через него передали о случившемся. Приехали мужики-конюха, вытащили ее и увезли. А вот у мамы то ли от страха, то ли от напряжения увеличилась правая почка в 2 раза. После этого она стала ходить согнувшись и обеими руками держалась за правый бок. И осталась на всю жизнь инвалидом, а ей в это время был 51 год всего. Мы остались без средств к существованию. Вся забота легла на плечи сестры, а на мои плечи дом и огород.

Столовая

Сестра устроилась на работу в столовую весной. Солнце вставало рано, день становился длинней, и жизнь шла вроде нормально. В деревне народ встает рано, я ходил сестру провожать. Пройдем полпути, кто-нибудь выйдет или нагонит нас, сестра спросит, куда идет, и говорит: «Ладно, иди домой, я с ним дойду до столовой». Столовая открывалась рано, в 7 часов утра. К этому времени завтрак должен быть готов. Повара приходили на работу в 6 часов утра. К этому времени у сестры плиты должны гореть, вода кипеть, а повар засыпает макароны или манную кашу, и к семи часам завтрак готов.

Настала осень, дни короткие, ночи темные, и нам приходилось вставать рано. Будила мама, часов не было. Как пропел второй раз петух, значит, надо вставать. В основном мы выходили из дома в 4 часа утра, а приходилось и в три часа, реже в пять часов утра. А выходить приходилось в любую погоду – и в дождь, и в снег. Я брал с собой палку и провожал сестру на работу. На ночь хозяева с цепи спускают собак, и они выскакивают из подворотен и бросаются на нас, я замахнусь палкой – они убегают. Придя в столовую, я помогал сестре: дробил чурки, чтоб они были потоньше и быстрее загорелись, носил воду, заполняя кастрюли, носил торф. Топливо хранилось под открытым небом, накрытое соломой. Поле шести часов утра народ начинает ходить по улице. Тогда я уходил домой. Иногда сестра кормила меня, давала немного вчерашней манной каши. Приходил домой – и пора было идти в школу. Были случаи, когда мы попадали под дождь, и в школу я уже не ходил, потому что промокал до нитки, а другой одежды не было. Я в это время учился в 7 классе второй год. Не ученье было, а одно мученье. Вернувшись из столовой, мне еще надо было скот выпустить, корм дать, воды натаскать и т. д. еду потихоньку варила мама. Сестре тоже не давали покоя, каждый день в обеденный перерыв вызывали в райисполком, заставляли переписать хозяйство на себя, оформить опеку над братьями и идти работать в колхоз за палочки. «Какая опека, я сама ребенок» мама болеет, а ей нужно делать состав, лекарство нужно, 1 кг сахара. Моей зарплаты хватает только на 1 кг сахара“. И, как всегда, приходит посыльный из райисполкома: „Маш, тебя снова вызывают к 14 часам в кабинет №2 к Винникову“. Сестра сидит на кухне, плачет, что делать, затерзали. Заходит заведующий столовой Тупикин и спрашивает: „Маш, ты что плачешь?“ Та отвечает: „Да меня опять вызывают в райисполком“. Посмотрел на не и говорит: „Пошли со мной“. Пришли туда, он представился: „Я пришел по поводу моей работницы. Маша, выйди, мы без тебя поговорим“. Переговорив, выходит Тупикин и говорит: „Маш, иди работай, больше тебя никто не будет беспокоить“. Вот так руководители любят свой народ и помогают сиротам, чьи отцы сложили свои головы на войне. После того, как заведующий все узнал о сестре, он ей предложил: „Маша, иди работай в зале официанткой, тебе будет легче“. Но сестра боялась, в столовую ходило в основном начальство, вдруг она не справится. А он ее стал постепенно приобщать, говорит: „Маш, иди в зал, помоги, а официантка ее заставляет отнести блюдо на первый стол или принять заказ. Он спросил официантку, как она, вполне справится, ответили. Тупикин подходит к сестре и говорит: «Маша, завтра выходишь в зал к семи часам утра». Сестра хотела было возмутиться, а Тупикин говорит: «Все, Катя в отпуск ушла». Как говорится, деваться некуда, начала работать в зале. Нам стало жить немного полегче. сестра стала приносить недо-еденные куски хлеба, объедки с барского стола. Мы хоть стали есть хлеб. С полочки покупала целую буханку хлеба и конфеты-подушечки, так называли карамель, штучки по 3—4. Это был уже совсем праздник. И еще чем мне стало легче, что не надо ее провожать на работу. Но зато надо встречать с работы, так как они работали до 23 часов, по 16 часов в день и без выходных. Весь дом и огород лежали на моих плечах. Сестра уходила на работу в 6 утра, а приходила к полуночи, была как гость в своей семье.

В буфете в столовой работала Соколова Клавдия Алексеевна, полная солидная женщина лет пятидесяти, с большим житейским опытом. До приезда в Хохол она работала в буфете при ресторане в городе Воронеже. Сестре она дала совет: «Маш, ты подходишь к клиенту и спрашиваешь, что вы будете заказывать, или что вам принести, или что вам подать и т. д. то есть называть надо на вы». Официантки наказ давали: несешь первое блюдо, будь осторожна, не облейся, потому не отвлекайся. А секрет весь в том, что тогда подносов не было. Когда сестра освоилась на должности официантки, Клавдия Алексеевна стала ее приучать к работе в буфете. Вечером, когда народу было мало, сестра вставала за прилавком, начинала обслуживать клиентов. Клавдия Алексеевна садилась на стул и наблюдала за ее работой. Так потихоньку она набиралась опыта. А у Клавдии Алексеевны возраст был солидный, она уставала, работали по 16 часов, охота было посидеть, отдохнуть.

Два года сестра отработала официанткой, потом стала работать продавцом в буфете, и это только по настоянию Клавдии Алексеевны, та внушала в нее уверенность. «Маша, ты не бойся, ты готова, ты сможешь». Сестра боялась, что проторгуется и заберут корову. В деревне, кроме коровы, нечего было брать. Клавдия Алексеевна помогла, а точнее, научила, как правильно делать отчет. Когда сестра первый раз самостоятельно встала за прилавком, она приходила и интересовалась, как дела. 40 лет она отработала в столовой за прилавком, она знала весь район, а район знал ее. Потому что она выезжала в села, колхозы с автолавкой. Дважды отчет сестра делала под контролем Клавдии Алексеевны, а трижды я вместе с сестрой делал отчет. Я считал карандашом, а она на счетах. Проверяли более крупные суммы. Если сальдо и бульдо сходилась, значит, нормально. Если нет, делали пересчет, кто допустил ошибку. Отчеты она сдавала очень аккуратно. Бухгалтера говорили: «Маша, твой отчет можно не проверять, ошибок у тебя не бывает».

Подработка в колхозе

В 1952 году я все же закончил 7 класс, получил свидетельство об образовании. Ребята решили поступать в мореходное училище. У меня тоже появилось желание. Я начал собирать документы. Мама мне говорит: «На кого же ты нас оставляешь? Я ждала помощи, а ты бросаешь нас». И я свое желание был вынужден оставить. Двое парней уехали, поступили и стали моряками. Жизнь у них семейная не сложилась, и прожили они недолго. По 8 месяцев находились в плавании.

Этим летом я работал в колхозе, во время уборочной страды на волах на бестарках отвозили зерно вдвоем с братом двоюродным. Я работал как бы за маму. Бестарка – это большой ящик, сбитый из досок. В него насыпали комбайном зерно, и мы везли его на ток. А на току зерно с бестарки сбрасывали в ворох деревянными лопатами. А управляли двое потому, что если волы куда-то пойдут, то их не остановишь. У нас у каждого палка и идешь рядом с головой. Причины какие были – овода донимали, волы бежали от них в кусты. Или пить захотят – бегут к воде. Остановить их можно ударом палки по морде. Работали дотемна, в полночь шли на речку обмыться, смыть пыль, да и ости от ржи стряхнуть. Отработали мы ровно месяц, я подал документы в 8 класс, а брат ушел работать на склад к старшему брату.

Первый раз мне пришлось работать в колхозе, когда посеяли мак. Будущий мой тесть Василий Ефимович собрал всех и говорит: «За опиум вам будут давать сахар и мыло, а в конце вам выдадут морячки». Мы поверили и согласились собирать опиум. (Морячки – имелось в виду одежда, как у моряков). Нарезать головки мака при закате солнца, а чтобы опиум не ушел внутрь головки, надо делать очень аккуратные надрезы, чтобы не порезать кору насквозь. Когда ты нарезаешь головку правильно, молочко выступает наружу и в течение ночи оно застывает и становится густого коричневого цвета.

Вставали в три часа ночи и шли собирать опиум, иначе он сильно затвердевал. Собирали специальными ложками, на них сделан полукруглый вырез, который обхватывает головку и соскабливает с нее опиум, а затем кладешь его в специально выданные нам баночки. Нарезали головки ножами, которые были закреплены в деревянные ручки. Ручки были с одним ножом, с двумя или тремя ножами. Я нарезал головку в три ножа, приспособился и собирал все больше опиума. Брат двоюродный двумя ножами нарезал, но у него много было брака, тугодум, заторможенный мозг. Собрав опиум, мы эти баночки сдавали в кладовую по весу кладовщику. А он давал сахар и мыло. Мы где-то с месяц работали, собирали опиум. А вот морячки нам не выдали. Мы планировали, что закончим сбор опиума, наденем морячки и будем щеголять по деревне, но не получилось.

Восьмой класс

В среднюю школу мы пришли 1 сентября. Девятый и десятый классы сразу вошли в школу, они знали, где их кабинеты. Восьмые классы устроили переключку на улице, кто из какой школы прибыл. Как оказалось, в восьмых классах кабинеты переполнены, мест не хватает, даже на подоконниках сидели. Я попал в класс «Д», еще 2 девчонки и парень из нашей школы были там. Потом последовали отчисления. У кого отцы были живы, но были троечники, их отчислили. А у кого отцы погибли на войне, тех не отчисляли. Это длилось недели две, потом нашли, освободили помещение в церкви, она была школой, и все ученики вернулись в школу в 8 класс. Когда я заканчивал учебу, в средней школе нас осталось шесть десятых классов.

Один эпизод я все же опишу. Пришла к нам преподавать химию Галина Григорьевна, начала с нами знакомиться. Вызывает одного к доске и начинает прощупывать, знания практически были нулевые. В семилетней школе были учителя, не имеющие специального педагогического образования. Вызвала она четыре человека, пятым вызывает меня, поспрашивала и говорит: «Кто у вас преподавал химию?». Я отвечаю: «Лариса Ивановна». «Кто такая? Я таких химиков не знаю». Я говорю: «Лещева». «Все равно не знаю». Тогда я говорю: «Директора Сталинской школы дочь». Тогда она заголосила «ой-ой-ой» и взялась за голову, говорит: «Тогда все ясно. Сегодня останетесь на дополнительные занятия». Шестой урок закончился, мы сумки на плечи и хотели удрать (книги мы носили в командирских полевых сумках). Галина Григорьевна – женщина хитрая, на минуту раньше отпустила учеников и стоит у двери, вернула нас всех в класс. Пишет на доске: железо – какой валентности? Цинк, сера – какой валентности? С металлов перешла на кислоты, написала формулы соляной кислоты – какая валентность? Затем формулу серной кислоты – какая валентность? Потом вопрос: почему определяют валентность кислот? Мы не знали и не могли ответить. Потом она нам говорит: «Валентность кислот определяется по водороду». Мы этого не знали. Она оставляла не только нас, а многих других. Учила, как определять атомный молекулярный вес. Шесть раз я оставался, и в голове в мозге произошел просвет. Вот что значит – знать свой предмет в совершенстве и уметь его преподавать. Про химика Ларису Ивановну раньше ходила такая легенда в виде анекдота. Раньше не было часов, и как ориентироваться по времени, не знали. И вот однажды учителю показалось, что долго нет звонка на перемену. Учитель говорит: «Лариса, сходи в канцелярию и узнай, сколько времени». Она пошла, зашла в канцелярию, а там никого нет. Она посмотрела на часы и отправилась в класс. Учитель спрашивает, сколько времени. Лариса отвечает: «Большая на маленькую залезла», имея в виду стрелку. Это рассказал одноклассник, который учился с ней. А вот другая быль. Купил парень ручные часы, идет, его спрашивают, сколько времени. Он протягивает руку, говорит: «На, посмотри, мне некогда». Вот такой в то время народ был темный. Только послевоенный прогресс двинул страну вперед. Хорошо, что в советское время было бесплатное образование. Физкультура – чтоб сдать на значок ГТО, надо подтянуться 10 раз. Военное дело – мы стреляли из малокалиберной винтовки по мишени. Черчение – смотришь на чертеж и понимаешь, что ты будешь делать. Физика – в армии я был радиотелеграфистом, проще радистом, там схемы приемника-передатчика, все эти азы мы получили в школе. Командир взвода говорит: «Ты как старослужащий солдат по физкультуре». То образование, которое было в СССР, дало много грамотных рабочих, техников, инженеров, ученых. Среднее образование должно быть обязательно. Все предметы, которые преподают в школе, необходимы в жизни. Жизнь сложна, она не стоит на месте, а движется вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.